

Хроники Фауста

Константин Мзареулов

Козырной король

2000

Мзареулов К. Д.

Козырной король / К. Д. Мзареулов — 2000 — (Хроники Фауста)

Для знатоков и тонких ценителей война сродни остроумной игре. В центре доски стоит Цитадель – довольно большой выдолбленный изнутри булыжник, напоминающий шахматную ладью. Внутри засела команда противника, обреченная проиграть, как бы ни развивались события. Гверфы приникли к бойницам, неуклюжие лапы сжимают туго натянутые луки, копья, дротики, пращи, палицы, короткие мечи и тому подобные рудименты минувшей эпохи. На стенах дымится в медных чанах кипящая смола, рабы-люди подбрасывают связки дров в разведенные под котлами костры. Запасы топлива в крепости на исходе, скоро в огонь отправится мебель. На площадках у ворот выстроились пехотные резервы, готовые ринуться на врага по первой команде.

Содержание

I	5
II	15
III	29
IV	38
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Содержание

Константин Мзареулов

Козырной король

(Хроники Фауста – 2)

I

– Ты не мог бы припомнить, почему мы все так не любим герцога Мефисто? – поинтересовалась Дейдра – Например, его брату Фаусту многие в нашей семье симпатизируют, а вот Мефа никто на дух не переносит

Корвин пожал плечами. После первой его встречи с нирванскими беглецами прошло так много времени, что даже бездонная память Повелителя Теней отказывалась хранить многие второстепенные детали

– Он с самого начала держался вызывающе, – сказал наконец Корвин – Словно наша семья что-то должна ему лично или всему их роду. Поначалу мы с Бенем решили, что наглого подростка не устраивает цена, которую отец уплатит за болванки для Грейсвандира и остальных мечей, и потому в Амбере сочли Мефа алчным торгашом

– Фау объяснил, в чем дело, – заметила Дейдра – По его словам, отец не пожелал оказать помощь их королевству, поэтому нирванцы были обижены на нас

– Возможно, старик имел веские причины для такого поступка. К тому же Меф, забыв обиды, скрывался не где-нибудь, а в Амбере. Но причина антипатии даже не в том. Уже много позже он не единожды появлялся в неподходящих точках пространства и времени. И так же внезапно исчезал, срывая кое-какие наши замыслы. Я уже молчу о таинственности, которой окружали себя эти братишки почему-то называют себя нирванцами, хотя их фамильный замок именуется Артаньян. Только Фау сравнительно недавно рассказал, что они изгнаны из родного Отражения и вынуждены запереться в захолустной Тени.

– Как я поняла, они уже не заперты на задворках. Фау говорил Льювилле, что армия Артаньяна вот-вот освободит Нирвану.

– Если каратели Дары не поспеют туда раньше... – Принц повздыхал, покачивая головой. – Наверное, нам стоило бы направить подмогу союзникам.

Дейдра тихонько засмеялась:

– Думаешь, они постеснялись бы попросить помощи? Скорее всего, надеются покончить с врагом собственными силами. Даже не знаю, что думать об этой семейке варварских колдунов. Я знакома с двумя братьями, и каждый постоянно таскает при себе спайкард и волшебный меч. Кто знает, какие арсеналы они держат про запас.

– Наверное, ты права.

Игла и Метис размашистой иноходью пересекали полосу зачаточных Теней, окружавших Узор, нарисованный Корвином на середине пути между двумя Великими Королевствами. Цвет неба и солнца, равно как число светил, здесь почти не менялись. Это были однообразные Отражения, отличавшиеся от Амбера лишь отсутствием населения и материальности. Однажды двое амберитов проскакали сквозь призрачные опоры Эйфелевой башни – наверняка, рисуя Лабиринт, Корвин вспоминал проведенные в Париже годы. Мелькнул берег пролива, засажен-

ный виноградниками, и каменные заборы ферм, танки с крестами на башнях и линкоры в море – это он вспоминал высадку в Нормандии. В странной последовательности вдоль дороги вырастали и рассыпались небоскребы Большого Яблока, пирамиды Монтесумы, сады Отражения Серебряных Роз, минареты Стамбула, километровая телевизионная вышка Беохока.

– Здесь станет интересно чуть позже, когда эти миры наполнятся жизнью, – подумала вслух Дейдра. – Какая безумная смесь самых разных реальностей!

– Я старался, – скромно сказал Корвин.

Он чувствовал, что нужное Отражение где-то совсем рядом. Легкая игра с теневой тканью – и они оказались на сельской дороге среди вполне материальных садов и пашен. При виде двух всадников копошившиеся в поле крестьяне бросили работу и принялись отбивать земные поклоны.

Индейское лето. Где-то его называют бабьим. Начало осени.

Дорога взобралась на склон, и сверху открылся вид на город. Серебряные шпили заставили сердце стучать быстро и нервно.

Авалон. Город-мечта.

Справившись с волнением, Корвин собрался пришпорить Метиса, но Дейдра удержала брата.

– Не торопись, – прошептала она, запинаясь. – Я боюсь.

– Чего?

– Как встретит нас наша девочка? Ведь совсем недавно Ги ничего не знала о своих родителях. Может быть, она обижена, что мы не вспоминали о ней столько веков...

Корвин пожал плечами;

– Я тоже не знал, что у меня есть сын. И тем не менее встреча прошла по высшему классу.

Авалон мало изменился с тех пор, как Корвин покинул свою вотчину во главе потрепанного войска. Город словно возродился в прежнем виде, но только с совсем другим населением. И этот Авалон заметно отличался от того, где он встретил Бенедикта. Здесь старый король Корвин был легендой – добрый правитель, отражавший атаки злых чародеев.

Его узнавали, когда они с Дейдрой ехали по проспекту в сторону королевского дворца. Горожане останавливались, изумленными глазами провожая вернувшегося из легенды властителя.

Потом была трогательная встреча. Дейдра и Гиневра разрыдались от избытка чувств, Корвин тоже смахивал слезинки. Придворные деликатно разошлись, оставив воссоединившуюся Семью наедине с неожиданной радостью, и в тронном зале звучали только всхлипы и бестолковые возгласы: «Моя девочка... Мамочка, как я счастлива... Как ты выросла... Ой, папочка, я тебя именно таким представляла...»

Когда первая волна эмоций немного улеглась, женщины затараторили о своих проблемах, недоступных пониманию сильного пола. Почувствовав себя лишним, Корвин вышел на балкон, тянувшийся вдоль верхнего этажа. Открывшаяся ему панорама наводила на печальные мысли. И дело было даже не в мрачной ленте Черной Дороги, уродливо перечеркнувшей милый пейзаж.

С древних времен Авалон считался передовым бастионом Амбера и оставался таковым поныне. Любое вторжение из Хаоса неизбежно прокатится по этим местам, но крепость была совершенно не приспособлена для серьезных испытаний. Опытный глаз легко находил слабые места в обороне: недостаточно высокие стены, плохо охраняемый вход в бухту. И форты не были рассчитаны на отражение нападений с неба, а ведь любой враг в наши дни постарается бросить в первой волне атаки летучих драконов и плавающих монстров.

Ясно было, что придется возвести на берегу два форта для защиты внутреннего рейда, установить на стенах пушки и, хорошо бы, зенитные пулеметы. Но сначала нужно устроить

смотр авалонскому войску, сколотить крепкие подразделения и, пожалуй, перебросить сюда батальон стрелков из Риига.

Корвин обдумывал, как бы основать в глубине полуострова несколько поселений для мохнатых гуманоидов, когда женщины наконец вспомнили о его существовании. Выпорхнувшая на балкон Ги долго расхваливала замечательного герцога Мефисто. Из ее щебетанья Корвин уяснил, что Меф оставил королеве Колоду, в которой были Козыри нирванских братьев.

– Покажи-ка эти Карты, – попросил отец.

Колода оказалась тощей. Пока Дейдра и Корвин разглядывали живописные творения варварских колдунов, Ги деловито потребована, чтобы родители организовали ей Козыри остальных родственников и вообще научили козырной магии.

– Меф говорил, что отец проведет меня через Лабиринт, и тогда я смогу правильно пользоваться Картами, – нетерпеливо заявила она.

Узор, нарисованный в подземельях прежнего Авалона, был сильно деформирован, остались лишь кривые прожилки цветных минералов. Линии на каменном полу пещеры не сохранили даже намека на Мошь. Здесь же, в возрожденном Авалоне, подвал королевской резиденции оказался настоящим Лабиринтом, не менее могущественным, чем его собратья из Амбера, Ребмы или Тир'на-Ногт. Впрочем, имелись и отличия, да иначе и быть не могло: ведь этот Узор был ближайшим Отражением нового Лабиринта, нарисованного самим Корвином в критический час Последней Войны. При всех своих стараниях серебристо-черный принц не мог бы сделать точную копию Истинного Узора, созданного Дворкиным под присмотром Единорога. Но Корвин надеялся, что его отличие не окажется фатальным.

– Думаешь, эту штуку можно пройти? опасливо спросила Дейдра, которая думала о том же.

– Мерль прошел его оригинал и вдобавок провел целый выводок своих ублюдочных дружков, – сказал Корвин. – Копия тоже должна сработать.

Гиневру, по причине молодости и отсутствия опыта, подобные нюансы мало беспокоили. Капризно надув губки, королева произнесла хныкающим голосом:

– Давайте приступим, я устала ждать... Папа, мама, откуда начинать?

Корвин подвел ее к месту, откуда обычно брали старт все потомки Дворкина.

– Смелее, – сказала Дейдра. – Не задерживайся на маршруте. Почувствуешь сопротивление – прибавь усилий.

Отмахнувшись, полная энтузиазма Ги бросилась вперед и быстро пробежала короткий прямой отрезок. Там, где сверкающая голубизной тропа делала крутой поворот, превращаясь в Первую Вуаль, Гиневра заметно пала духом, встретив противодействие невидимых сил. Окруженная вихрями сине-белых искр, она с натугой преодолела сложное место и дальше двигалась уже гораздо медленнее, на кукольном личике отразилось сильнейшее напряжение воли.

Корвин обеспокоенно крикнул:

– Прибавь шагу и ни в коем случае не сворачивай с дорожки!

Кивнув, дочка пошла чуть быстрее, пока не нарвалась на Вторую Вуаль, где искры стали гуще, а встречное сопротивление – несравненно сильнее. Шаг за шагом она продавила неподатливую субстанцию Мощи, миновав опасный изгиб трассы и Великую Кривую.

Родители громко подбадривали ее, наперебой выкрикивали советы, и наконец Дейдра сказала с облегчением:

– Все. Третья Вуаль позади...

К выходу Ги подошла, пошатываясь от изнеможения. Подхватив ее под руки, родители усадили королеву на плоский камень, и Корвин уже собирался позвать стражников, чтобы принесли холодной воды или вина. Однако Гиневра быстро очухалась, придав лицу обычное выражение властного величия.

– Как ощущения? – заботливо спросила Дейдра. Помедлив, словно привыкая к новому состоянию, Ги медленно проговорила:

– Трудно ответить. Что-то изменилось. Только не могу понять, что именно. Чувствую, что стала другой... А сам маршрут был ужасен. Лабиринт стер меня в порошок, в пыль. Как ребенок, который отрывает руки-ноги тряпичной игрушке.

– Так всегда бывает в первый раз, – успокоил ее отец. – Потом привыкнешь и научишься извлекать из этой процедуры немалое удовольствие.

– Не уверена! – Ги дернула плечами и решительно замотала головой. – Сомневаюсь, что когда-нибудь захочу повторно пройти через эту пытку,

Корвин хохотнул:

– Все так говорят. Это как наркотик. Попробовав однажды, невозможно остановиться. Да и не нужно. Лабиринт дает нам Мощь, благодаря которой Повелители Теней возвышаются над смертными... А пока тебе нужно подкрепиться.

От плотной трапезы Гиневра отказалась, сославшись на необходимость заботиться о фигуре. Смешав легкое фруктовое вино с равным количеством меда, она выпила коктейль большими глотками, закусывая солеными орешками. После такого лечения на лице королевы снова появились признаки румянца, а дыхание сделалось ровным. Ги рассеянно кивала, слушая отцовские рассуждения насчет укрепления обороны, потом сказала небрежно:

– Конечно, папа. Тебе виднее. С этого дня все армейские дела полностью переходят в твое ведение... – И неожиданно добавила: – Как я поняла, вы с мамой не собираетесь отбирать у меня корону Авалона?

Родители недоуменно переглянулись: мысль о дележе власти их до сих пор не посещала. Девочка оказалась куда практичнее, чем они оба вместе взятые, опровергая расхожее мнение об инфантильности амберитов четвертого поколения. Деловой хваткой она, скорее, напомнила своего деда Оберона.

Корвин так и не понял, поверила ли Ги заверениям, что папа с мамой не претендуют на королевскую власть в этом Отражении. Выслушав их, дочка просто кивнула и напористо повторила, что ей нужна Полная Колода.

– Ой, на самом деле, – спохватилась Дейдра. – Держи, моя маленькая. Я прихватила в библиотеке Амбера.

С улыбкой посмотрев сверху вниз на мать, которая была на голову ниже ростом, Гиневра насмешливо заметила:

– Большой вопрос, кто из нас «маленькая»... Не слушая умиленный щебет родителей, она попыталась оживить Карту Мефисто, но сумела установить связь лишь после множества неудачных попыток, да и то – с помощью старших амберитов. Заглянув через плечо Гиневры, Корвин увидел немного удивленное лицо нирванца.

– Приветствую воссоединенную семью... – В голосе Мефа проскользнуло затаенное недовольство, словно его потревожили в неподходящий момент. – Желаю вашей компании всяческих благ и успехов в половой жизни.

– И вам того же, – прыснула Ги.

Минут десять королева восторженно тараторила обо всем подряд, спеша поделиться переполнявшими ее эмоциями. С легкой ревностью Корвин понял, что дочурка равнодушна к артаньянскому наследнику. Последний же почему-то чувствовал себя не слишком уютно и отвечал без энтузиазма. Последней это заметила Ги, обиженно проскулившая:

– Вам неинтересно со мной разговаривать.

– Ну что вы, моя королева! – Нирванец скорчил укоризненную гримасу. – Просто не стоит вести важные разговоры по линии, которую может прослушивать враг. Правда, Корвин?

– Безусловно, – сказал амберит. – Мы подробно побеседуем при встрече. Когда вы с братом сможете нас навестить?

– Ты обосновался в этом месте? – Меф не назвал Отражение по имени – возможно, и в самом деле опасался прослушки.

– На некоторое время.

– У нас небольшие проблемы, – сообщил герцог. – Потом обязательно обменяемся визитами. И вот еще... Бра-тельник просил передать, чтобы вы не беспокоились. Он вылечит, кого обещал.

– Когда?

– Как только освободится. Подождите несколько дней.

– Я могу с ним переговорить? – спросил Корвин.

– Не сейчас.

С этими словами Мефисто прервал контакт. Повернувшись к сестре, принц нервно осведомился:

– Ты слышала звуки из того Отражения?

– Какой-то треск...

– Это были выстрелы. Даже очереди. Совсем недавно Фау завидовал нашим винтовкам, а теперь у них завелись пулеметы. Эти братья очень энергичные ребята.

Он почувствовал острое беспокойство: если огнестрельное оружие появилось где-то на краю Теней, то завтра оно может быть создано и в Хаосе. Никакой баланс сил не способен выдержать подобных потрясений. Корвин почему-то подумал, что покойник-отец был не так уж не прав, когда позволил Суэйвиллу разрушить Нирвану.

Принц вздохнул, потому как понимал: государство Фауста и Мефа оставалось единственным серьезным союзником Амбера. Вокруг этого варварского королевства наверняка имеется масса обитаемых Отражений, где при необходимости удастся наберечь дополнительные контингенты. К тому же у них есть пулеметы...

Пока он ломал голову над стратегией, Дейдра доходчиво ввела Гиневру в семейно-политическую обстановку. Дочка слушала не слишком внимательно и постоянно говорила, что герцог Мефисто об этом уже рассказывал.

– Хорошо, мама, я все поняла, – сказала наконец Ги, потеряв терпение. – С родственниками лучше не откровенничать, а козырную беседу могут перехватить враги.

– Именно так, – подтвердила Дейдра. – Только запомни, что враг – понятие относительное. Никогда не знаешь заранее, кто окажется в этой категории через полчаса.

Офицер охраны доложил, что к воротам дворца подъехали принц Мандор и принцесса Фиона, желающие видеть ее величество и августейших родителей. Корвин торопливо уточнил:

– Вот с этой парочкой вообще стоит говорить только о погоде. И никуда не пускать. – Он добавил после паузы: – С соблюдением приличий, конечно.

– Может, сразу казнить? – совершенно серьезно предложила Гиневра.

– Папа же ясно сказал: с соблюдением приличий, – напомнила Дейдра.

За чаем завязалась обычная болтовня о политике, причем каждый участник чаепития старался поменьше рассказать и побольше узнать. Утомленный иносказаниями и недоговорками Корвин попытался напрямую выяснить, что замышляют Дара и Сухей, на что Мандор ответил, посмеиваясь:

– Мерлин рассказывал, что однажды они с тийгой устроили такую игру. Каждый по очереди должен был честно ответить на один вопрос. Может, и мы так же попробуем?

– К чему эти детские игры? – с трудом сдерживаясь, бросил Корвин. – Все равно мы не сможем проверить правдивость собеседника. По-моему, сейчас нас обоих должна беспокоить судьба Мерлина.

Фиона поспешила примирительно сказать:

– Мне кажется, что Мандор не враг твоему сыну, но сейчас между ними проползла черная змея.

– Допустим, все мы стремимся к долгому прочному миру... – Корвин насупился. – В состоянии ли мы противостоять активности «ястребов»?

После короткой заминки Мандор уклончиво ответил:

– Могу заверить, что Дара больше не настроена уничтожать Амбер. Сейчас ее главная цель – приструнить княжеские Дворы, чтобы сделать сына монархом-самодержцем. Для этого ей нужен сильный враг, которым можно было бы запугивать туповатых феодалов.

– То есть большого похода на Амбер не будет? – настаивал Корвин.

– Не должно быть большого похода с решительными намерениями, – уточнил глава Путей Всевидящих. – Разве что набег княжеских дружин. Но ты должен понимать, что первые удары обрушатся на Нирвану и Авалон. Поэтому тебе и твоей дочке придется поработать над созданием надежной обороны.

Удивленно посмотрев на принца Хаоса, Фиона осведомилась:

– Ты помогаешь Корвину в разгроме армии Дары?

– Там не будет настоящей армии, – отмахнулся Мандор. – Сброд, орава наемников. Их обязательно нужно уничтожить.

На этот раз возмутилась Дейдра:

– Вы собрались решать свои проблемы нашим и руками?

– Так уж устроен мир – Мандор печально склонил голову. – Корвин, обязательно предупреди своего друга Фауста, что на него двинут очень сильную экспедицию. Скорее всего, командовать этим войском будет мой брат Деспил

– Передам, – Амберит кивнул. – А для чего... Однако нахальный гость перебил его:

– И еще намекни, что не стоит убивать Деспила. Если с парнем что-нибудь случится, то я даже с помощью Мерля не сумею удержать Дару от мести.

Корвин невольно усмехнулся:

– Ты и Артаньяну симпатизируешь?

– Не сказал бы. Просто не считаю нужным потакать нескончаемым капризам вдовствующей королевы. Если она почему-то хочет уничтожить Нирвану, значит, нужно устроить ей холодную ванну.

– Это разумно, – признала Дейдра.

Фиона, весьма сильно не любившая нирванцев, поскольку подозревала братьев-герцогов в неразгаданных коварных умыслах и вдобавок завидовала их проникновению в Искусство, спросила Мандора, сделав недовольную гримасу:

– Что тебе известно о Фаусте? Где он учился колдовству, чем занимается, когда исчезает из виду?

– Я чаще имел дело с его братом Мефисто, – сообщил Мандор. – К своему стыду, ничего определенного о нем не узнал. Дара держала этого душегуба в изоляции. О присутствии Мефа при Дворах не знали даже такие ушлые колдуны, как Сухей и Бансис. Когда они проводали, что Меф жил в Хаосе, чуть не лопнули от злости и долго крутили хвост нашей веселой вдовушке. Особенно злобствовал Сухей.

– Они ненавидят или боятся нирванца? – поинтересовалась Фиона.

– Разве есть большая разница? Старики не объяснили, но им очень хотелось расправиться с этим парнем. Мне кажется, он знает больше, чем положено обычному провинциальному колдуну. Иногда у меня возникало подозрение, что Меф умеет даже рисовать Козыри.

Гиневра чуть не ляпнула: мол, конечно, умеет. Однако вовремя вспомнила родительские советы и промолчала. Тем не менее Мандор заметил ее попытку и немедленно спросил:

– Ваше величество собирались что-то сказать?

– Да... – Гиневра глубокомысленно помолчала, на ходу придумывая, что бы сказать. – Мне совершенно непонятно, откуда взялось мое Отражение. Мама и папа говорят, что Авалон был полностью разрушен вашими войсками.

– Это были не мои войска, – решительно сказал Мандор. – В те времена меня еще не было на свете. И во Тьме тоже.

Кокетливо улынувшись, Ги просюсюкала:

– Ах, принц, вы же понимаете, что я имею в виду... А вот я не понимаю, как мог ошибиться герцог Мефисто. Мне показалось, что он неплохо разбирается в устройстве Отражений, но все-таки ошибся.

Фиона немедленно спросила, возбужденно потирая руки:

– В чем ошибся?

– Он очень убежденно говорил, что в подвале моего замка находится испорченный Узор. Так и сказал: «Я чувствую, что ваш Лабиринт отличается от настоящего». Однако сегодня родители заверили, что Лабиринт моего Авалона не содержит дефектов.

Улыбки гостей смутили и даже обидели молодую королеву. Мурлыча, как большая рыжая кошка, Фиона произнесла примирительно:

– Дорогая племянница, твой Меф – недалекий провинциальный знахарь. Безусловно, он нахватался кое-каких познаний, но все равно остается деревенщиной и не способен понять законы Великих Сил.

Фиона добавила, что лично ей картина совершенно ясна. Когда был разрушен старый Авалон, это Отражение вернулось в состояние первозданного Хаоса и от него остались лишь бледные Тени, то есть Отражения третьего или даже четвертого порядка. В одной из таких Теней некоторое время правил Бенедикт, а потом туда же забрели Корвин с Обероном. Вероятно, таких безжизненных клише было достаточно много, и все они оставались в резерве Мироздания. Однако, рисуя собственный Узор на границе Хаоса, Корвин наверняка вспоминал свой любимый мир. И вот, когда от новорожденного Источника Мощи побежали во все стороны волны Порядка, из полупризрачной Тени возник совершенно новый Авалон, подчиненный законам корвиновского Лабиринта.

– Твой Авалон расположен вплотную к Узору Корвина, – сказала Фиона. – Поэтому здешний Лабиринт не имеет дефектов. Насколько я знаю законы этого жанра, Главный Узор Корвина должен был окружить себя тройкой полноценных Лабиринтов. Мандор, Логрус тоже отбрасывает три полноценные Тени?

Принц Хаоса внимательно слушал ее, задумчиво поигрывая стальными шариками. Когда амберская ведьма задала свой неожиданный вопрос, он замешкался с ответом.

– Вообще-то да, но Логрус устроен иначе. Поскольку он не имеет постоянной конструкции, то дефекты Логруса не сильно отражаются на его дееспособности... – Мандор снова замолчал, чтобы после паузы заговорить на совсем другую тему. – И все-таки Мефисто не прост, опасно было бы его недооценивать. Обратите внимание, варвар почувствовал разницу между Лабиринтами Авалона и Амбера. Не понял, в чем эта разница заключается, но почувствовал.

– Вы считаете Мефа врагом? – Ги напряглась.

– Друзей не существует по определению, – сказал Мандор. – Бывают только временные союзники. Недавно Мефисто был нашим союзником, но я не знаю, кем он считает себя сейчас.

– А мне он показался другом, – вызывающе заявила Гиневра, – Убил трех монстров, которые вышли из моря, рассказал о моей семье, привел сюда папу с мамой.

Загадочно улынувшись, Мандор осведомился, за какой надобностью Мефисто посещал Авалон. Помня родительские наставления поменьше откровенничать с кем попало, королева не стала отвечать, прикинувшись обиженной. Продолжая благожелательно улыбаться, принц Хаоса сказал:

– Огненных Ангелов он уложил, спасая собственную шкуру, а вовсе не из желания избавить Авалон от опасности. И я абсолютно уверен, что Меф заглянул в это Отражение огнюдь не бескорыстно... Впрочем, – добавил он примирительно, – повторяю, что в данный момент я не хотел бы, чтобы Дара причинила вред нирванским братьям.

Он опять сменил тему и спросил, надумал ли Корвин что-нибудь толковое после путешествия к ледяному оракулу. Амберит ответил, что высказанные в тот день соображения кажутся разумными, но трудно поверить, будто возможно противостоять объединенной воле Источников Мощи.

– Я не уверена, что у них есть воля, – фыркнула Фиона. – Задумайтесь: Лабиринт Корвина долгое время никого в себя не впускал, а потом вдруг позволил войти не только Мерлину, но и целому выводку ублюдков вроде двойника Ринальдо. Никакой логики в поступках! Великие Силы ведут себя, как капризные детишки.

– И что из этого следует? – поинтересовалась Дейдра. Фиона провозгласила назидательным тоном:

– Полагаю, мы сможем гнуть свою линию, не слишком опасаясь их противодействия. Главное, не трогать сами Источники и не соваться в Межтенье.

Вскоре после чая Мандор и Фиона покинули Авалон, и Корвин занялся своими военными игрушками. Для начала он собрал местных воевод и указал на самые вопиющие прорехи в системе обороны. Генералы, вздыхая, назвали еще десяток слабых мест, на которые Корвин второпях не обратил внимания.

Принц провел смотр авалонских дружин, которые оставили не самое лучшее впечатление. Такое воинство годилось, в лучшем случае, чтобы разгонять толпу на базарной площади или давить крестьянские бунты. Лишь после долгих объяснений и угроз удалось растолковать полководцам, как именно следует готовить армию к серьезным схваткам.

Некоторые воеводы сумели представить размах возможной угрозы и сильно перетрусили.

– Самые надежные части мы расставим вокруг Черной Дороги, – сказал Корвин. – И запомните: если не сумеете отбить атаку, эти монстры сожрут вас заживо. Идите и тренируйте своих солдат.

Затем он поручил квартирмейстеру найти на полуострове уголок, где можно было бы расселить пару тысяч союзников. Услышав, что союзники не вполне люди, авалонец затрепетал и вспомнил о заброшенных деревеньках у подножия горы Трехглавки. Корвин осмотрел деревни и, хотя домишки были не вполне пригодны для жизни, козырнул сюда батальон своих мохнатых гвардейцев.

– Теперь будете жить здесь, – объявил он рииганцам, – Даю неделю, чтобы привести селения в божеский вид. Потом привезем сюда ваши семьи, скот, утварь.

Гвардейцы повеселели. Им уже надоело прозябание в Амбере среди голокожих существ. Когда появятся родные, служба пойдет веселее. Мохнатые стрелки прокричали славу мудрому доброму вождю и поклялись верно защищать повелителя и владения его дочери.

Вечером военный министр Авалона принес план перестройки крепостных сооружений. Услышав, что надо будет увеличивать расходы на восстановление флота и возведение новых казарм, он, застонав, сказал:

– Министр финансов скорее повесится, чем подпишет такое распоряжение.

– Скорее я сам его повешу, если не подпишет, – сообщил Корвин. – Поймите, мне нужны казармы, чтобы в случае угрозы разместить дополнительные войска из метрополии.

Министр финансов действительно прибежал плакать, но Корвин доходчиво объяснил, что денег в казне скоро прибавится. Часть расходов возьмет на себя Амбер, а кроме того, должна оживиться торговля – ведь со дня на день в Авалон пожалуют купцы из ближайших

Отражений. Представив, какие налоги и пошлины можно будет содрать с заморских гостей, финансист повеселел и тут же открыл неограниченный кредит для военного ведомства.

Когда он покончил с приятными хлопотами, недра подсознания подбросили мысль, которая незаметно преследовала Корвина после беседы с Мандором. Слова, что обронил глава Путей Всевидающих, заронили сомнение.

Завести разговор на эту тему было делом несложным. За ужином Корвин разок упомянул старшего нирванского герцога, и у Гиневры немедленно возобновился поток восторгов. После нескольких умело заданных наводящих вопросов сложилась занятная картинка.

– Тебе это о чем-нибудь говорит? – насторожившись, спросила Дейдра.

– Кое о чем... Ги, ты сказала, что Мефисто был дружен с каким-то астрологом. Можно будет с ним поболтать?

Немного удивленная поведением родителей, королева велела позвать придворного прорицателя. Одетый в роскошный шелковый халат, Джильбер вошел, низко кланяясь и буквально пожирая глазами легендарного короля. По всему видно было, что парнишку распирает нестерпимое желание о чем-то спросить.

– Садись, сынок, угощайся, – сказал Корвин, чем окончательно покорила астролога.

– Благодарю, мой повелитель... – Джильбер жадно оглядел заставленный блюдами стол, но тут же забыл о жратве. – Вы расскажете, как протекала битва на Дантуарском нагорье? Историки до сих пор не могут понять, каким образом вы отразили удар боевых мастодонтов.

– Там командовал мой брат Жерар, – усмехнулся принц, – Гиневра, доченька, когда тебя навестит дядя Жерар, обязательно проследи, чтобы он говорил о древней истории только с мэтром Джильбером.

– О, мой повелитель!.. – От благодарности астролог прослезился.

– Называй меня просто – лорд Корвин, – посоветовал серебристо-черный. – Здесь только одна повелительница – королева Гиневра.

– Я на него не в обиде, – промурлыкала Ги. – Друзья герцога Мефисто могут не бояться моего гнева.

Джильбер закивал, но не смог ответить, поскольку челюсти его не успевали перемалывать огромные ломти деликатесов. Корвин благожелательно продолжал:

– Доченька, я понял с твоих слов, что мэтр – добросовестный историк. Но все-таки боюсь, не допустит ли он ошибку, описывая посещение Авалона герцогом Мефисто?

– Это было бы досадно, – согласилась Дейдра, делая озабоченное лицо. – Обязательно нужно написать, что главной целью визита было поклонение мощам Каменного Пращура.

Испуганное выражение на лице Джильбера сменилось удивлением. Он лихо проглотил кусок лососяного филе, запил кубком вина и осторожно возразил:

– Простите, ваше высочество, но вы, как мне кажется, немного ошибаетесь. Меф даже не знал о существовании Храма, пока я не рассказал ему о Каменном Пращуре.

– Ты уверен? – в один голос спросили Корвин и Дейдра.

Джильбер надолго задумался, проглотив за это время несколько отбивных и тарелку салата, после чего тактично проговорил:

– Вы заставили меня усомниться, мой лорд. Лично мне показалось, что герцог не подозревал о существовании святилища и окаменевшего трупа... Но, быть может, он умело прикрывался. И уж подавно не было речи о поклонении мощам. Он просто выкинул меч в окно и поспешил сражаться с демонами.

– Благодарю, мой ученый друг, вы рассеяли наши сомнения, – тепло сказал Корвин. – Не смею вас больше задерживать.

Подобострастно кланяясь, Джильбер покинул трапезную, прихватив с собой завернутый в салфетку большой кусок мясного пирога. Корвин сочувственно подумал, что бедняга долгое время голодал и никак не может насытиться.

Когда за спиной астролога хлопнула дверь, Дейдра растерянно произнесла:
– Кто же он такой, этот Каменный Пращур?

Четверо здоровенных солдат с натугой пытались сдвинуть крышку саркофага. В конце концов амберитам надоело смотреть, как они мучаются и потеют. Скинув плащи, Корвин с Дейдрой легко открыли гробницу. В саркофаге лежал каменный толстяк, похожий лицом на Бенедикта.

– Озрик, – прокомментировал Корвин. – Кое-что проясняется.

– А по-моему, ничего не ясно, – призналась Дейдра. Брат-любownik укоризненно сказал ей:

– Вспомни все, что мы узнали за последнее время. По словам Дары, наш старший брат Озрик убил Гамлета, старого короля Нирваны. Призрак Озрика с остервенением пытался прикончить Фауста. В окаменевшем трупе Озрика застрял фамильный меч нирванской династии.

Начавшая догадываться Дейдра медленно проговорила:

– Ты хочешь сказать, что Фауст или кто-то из его родни заколол нашего брательника в отместку за убийство отца?

– Или деда. Однажды, еще до твоего возвращения, Фау сказал: мол, отец покарал предателя, убившего основателя их рода.

Подумав немного, Дейдра обеспокоенно заметила:

– Я уже не верю, что Фау и Меф могут быть нашими союзниками.

II

Для знатоков и тонких ценителей война сродни остроумной игре. В центре доски стоит Цитадель – довольно большой выдолбленный изнутри булыжник, напоминающий шахматную ладью. Внутри засела команда противника, обреченная проиграть, как бы ни развивались события. Гверфы прикинули к бойницам, неуклюжие лапы сжимают туго натянутые луки, копья, дротики, пращи, палицы, короткие мечи и тому подобные рудименты минувшей эпохи. На стенах дымится в медных чанах кипящая смола, рабы-люди подбрасывают связки дров в разведенные под котлами костры. Запасы топлива в крепости на исходе, скоро в огонь отправится мебель. На площадках у ворот выстроились пехотные резервы, готовые ринуться на врага по первой команде.

В каземате центральной башни главарь гверфов разглядывает Карту, оставленную в незапамятные времена для связи с Хаосом. Расстояние слишком велико для полноценного козырного контакта, но гверф не способен этого понять. Снова и снова он пытается открыть проход, и магический клочок картона медленно тянет ниточку на противоположную окраину Мiroздания. Наконец установлена звуковая связь, хотя разница в скорости временных течений превращает разговор в мучительную пытку. Проходит очень короткий срок, прежде чем ускоренный до визга голос Дары произносит почти неразличимой скороговоркой:

– Ты должен продержаться хотя бы два дня. Отбивай атаки, ведь твоя армия засела внутри мощнейшей крепости. Скоро вы получите помощь.

Карта трижды повторяет этот приказ, после чего связь обрывается. По извилинам полузвериных мозгов натужно протискиваются вязкие подобия мыслей. Гверф не может сообразить, должен ли он отдавать дополнительные приказы, или Цитадель готова к обороне. После затянувшихся раздумий гверф принимает решение ничего не предпринимать. Пусть враг ползет на стены – и тогда исход зависит от умения размахивать оружием. Гверфы всегда были слабоваты по части интеллекта, но неплохо управлялись с насаженными на палки кусками железа или камня. Потому-то Хаос и выбрал это племя для самых простых заданий, например для гарнизонной службы на покоренных землях.

А вокруг Цитадели сверкают надраенные шлемы, кольчуги, щиты, клинки и стволы. Развеваются знамена полков, мечутся конные ординарцы. Армия царя, разбитая на стройные коробки пехотных каре, ждет команды на штурм, держась за пределами дальности полета стрелы. Развернуты катапульты, баллисты, минометы и полевые лазареты. Позади войска ждут своего часа маркитанты и мародеры. В море напротив крепости стоят на рейде оба пароходика – пушки смотрят на каменную махину, канониры заправляют в зарядники ленты со снарядами.

Все готово к решающей битве. Сегодня завершается первая фаза кампании. Солдаты догадываются, что война не закончится взятием Цитадели. Впереди много сражений, но сегодня – самый тяжелый бой, а потом предстоит увлекательное сафари по диким странам. Там нет организованной военной силы врага – одни лишь чудовища, это будет не война, а нечто вроде охоты. Главное – дожить до вечера и перебить побольше свинорылых. Те, кто отличится в бою, получат щедрое вознаграждение – деньги, земли, чины.

Солдаты лишь сомневаются, разрешат ли им грабить захваченные города. Большинство считает, что надо вести себя культурно, то есть не трогать имущество, на которое может претендовать царская семья, а также не обижать верноподданных. Все остальное будет разрешено. Царь простит своим воинам малые шалости.

На верхней башне Южного форта, где собрались старшие воинские начальники, граф Ренк громко сетовал, что его рыцарям не найдется работы в уличных боях.

– Не отчаивайся, дяденька, всем дела хватит, – добродушно сказал Фауст. – Мой крылатый эскадрон тоже отдыхает.

– Это обидно, – согласился Ренк. – Но ты идешь в бой, пусть даже в пешем строю. А мне отдыхать до вечера.

Командиры пехотных частей самодовольно ухмылялись. Сегодня был их день: кавалеристы в уличных боях не нужны. Войско выстроилось как на параде, не скрывая намерения атаковать ближайшую стену Цитадели. Солдаты томились ожиданием после многодневных изнурительных тренировок, на которых отрабатывались стремительная установка штурмовых лестниц и рукопашный бой на стенах.

– Начнем же! – нетерпеливо потребовал Вервольф. – Папа, отдавай приказ.

– Действуйте, – разрешил царь. – Каждый знает, что и как нужно делать.

Заняв позиции между каменных зубьев, украшавших верхушку форта, стрелки открыли огонь по защитникам Цитадели. Фауст не смог удержаться и тоже взял винтовку.

Оптический прицел приблизил стену. Герцог методично, как в тире, поймал в кружок свиную морду выглянувшего из бойницы гверфа и нажал спуск. Приклад мягко толкнул плечо, а гверф, взмахнув лапами, исчез из виду.

Залпы гремели непрерывно, в перестук винтовок настойчиво вплетались пулеметные очереди. Следившая в бинокль за результатами обстрела Джулия восторженно отсчитывала десятки убитых. В отличие от своей подружки, Мефисто обзирал внутренности Цитадели через нарисованный отцом Козырь и наконец удовлетворенно сообщил:

– Готово. Они двинули все резервы к южной стене.

Еще немного времени – и гверфы уже не отваживались высовываться из-за каменных укрытий. Зато на внутренней улочке, примыкающей к стене Цитадели, скопилось не менее тысячи полуживых.

– Минометы, беглый огонь! – скомандовал Вервольф.

Первая дюжина мин упала с большим разлетом, но потом канониры пристрелялись, так что следующие снаряды легли в самой гуще обороняющихся. Шквал огня и осколков разметал гверфов. Уцелевшие в ужасе разбежались в разные стороны.

Командиры на бастионе одобрительно завопили. Затем царь козырнулся на мостик «Господаря Мунтении», чтобы возглавить штурм со стороны моря, а братья, весело перешучиваясь, разошлись по своим частям. Пора было заканчивать затянувшуюся сверх меры осаду.

Тяжелая пехота Смилодона встрепелась, увидев командиров. Полковник отдал приказ, и рота за ротой, подхватив лестницы, направились в сторону крепости. С бастиона продолжали палить, не позволяя вражеским лучникам и арбалетчикам пускать стрелы по наступающим, так что гоплиты беспрепятственно приблизились к стене. Бежавший в передней шеренге Фауст расчищал дорогу пехоте, обнаруживая и обезвреживая ловушки: огненные рвы, волчьи ямы, вкопанные в землю шипастые капканы.

Преодолев последний ров, пехотинцы деловито принялись устанавливать лестницы, а Фауст, достав КозырьДалта, сказал Оберонову сынку:

– Кончай стрельбу. Еще моих зацепишь.

Далт без энтузиазма приказал снайперам уgomониться. Заодно сообщил герцогу, что штурмовые колонны, которыми командовали отец, Меф и Вервольф, тоже начали карабкаться на стены.

– Что мне делать, когда вы ворветесь в крепость? – спросил Далт. – Может, придумаете работенку?

– Ты до вечера свободен, – отрезал Фауст, – Приводите в порядок оружие. Чистка, смазка – в общем, сам знаешь.

Он вызвал братьев, и вскоре три герцога собрались на вершине холма, где изнывала от безделья рота капитана Крольда, вооруженная короткоствольными автоматами. На всякий слу-

чай Меф обратился через Карту к отцу, но старик отводил душу, утоляя жажду заскучавшего в каменных ножнах Мементомори, и самозабвенно шинковал гверфов на центральной улице Цитадели.

– Ему сейчас не до нас, – резюмировал Фауст. – У кого Козырь? Наверняка у любимого младшего сыночка.

– Дудки, в любимчиках прописался первенец, – весело огрызнулся младший герцог, но Карта действительно оказалась в его кармане.

Этот Козырь отец рисовал по памяти и уверял, что именно так выглядел один из казематов Цитадели, подходы к которому были затоплены по недоразумению еще в дни его молодости. Царь надеялся, что гверфы не сообразили нырять в полный воды подвал, то есть не должны были отыскать это помещение.

Осмотрев солдат Крольда, Вервольф подмигнул. Ветераны ответили дружным ржанием.

– В прошлый раз герцог Фауст уже водил вас в такую атаку, – сказал Вервольф. – Если повезет, мы с помощью колдовства отправимся в тыл врага.

Он сосредоточился на Карте, и козырная магия проложила дорогу в мрачное сырое подземелье, заросшее мхом и паутиной. Лучи солнца, проникшие через открывшийся проход, осветили небольшой участок каземата, в темноте угрожающе пищали неведомые твари, которые много лет были единственными обитателями каменного мешка.

Фауст подал знак Солдат-огнеметчик выпустил во мрак струю горячей смеси. Визг сделался громче, в нем слышалась паника. После второй струи вспыхнула покрывавшая стены растительность, загорелись полусгнившие деревянные обломки, кучи засохшего крысиного помета.

– Отец говорил, там нет ничего ценного, – заметил Мефисто. – Прибавь жару, пацан. Да пройдишь огоньком по закоулкам.

Было видно, как по камере мечутся горящие комочки. Решив, что уцелевшая живность не станет особенно досаждать, братья вошли в пылающее подземелье и установили факелы в прибитые к стенам проржавевшие кольца. Тусклые отблески осветили просторное помещение, из него в разные стороны уходили ответвления. Сквозь люк в потолке по каплям сочилась грязная вода.

– Если откроем люк, нас затопит, – заметил практичный Вервольф. – Мы всплывем к потолку и пролезем в следующий отсек. Неплохо.

– А вдруг воды окажется слишком много? – возразил не менее предусмотрительный старший брат. – Нам-то по фигу, но половина солдат захлебнется, не успев протиснуться. Да и на верхнем ярусе может оказаться с головой. Фау, тебе выкручиваться. Тут нужен научный подход.

– Что бы вы без меня делали, – проворчал Фауст. – Организуйте лестницу.

Когда силовой жгут Амулета раскрошил бронзовую створку люка, сквозь дыру в потолке шумно хлестнул мутный поток. Вода бурлила, уходя по межтеновому лазу, выведенному в пустыню ближайшего ненаселенного Отражения. Вскоре посреди пустыни образовалось небольшое пресное озеро, но вода продолжала поступать, и у Вервольфа кончилось терпение.

Установив лесенку рядом со струей водопада, братья вскарабкались на следующий ярус. Помотав головой, Фауст углядел магическим зрением обломок трубы, из которого выливалась струя жидкой грязи. Дыру быстро заделали, после чего к командирам присоединилась вся рота. Солдаты вполголоса матерились, скользя на мокром полу подземелья.

Применив простенькое заклинание, Фауст собрал вековые наслоения ила в большой ком и зашвырнул в ту же пустыню. Когда пол очистился, стали видны ступени, ведущие к окованной медью двери. Скривившись, словно залпом проглотил стакан дешевой бормотухи, Мефисто проканючил:

– Задолбала меня такая жизнь. Куда ни сунусь – сплошные коридоры, подземелья, катакомбы

Средний брат молчаливо присоединился к мнению старшего, но Вервольф, недоуменно поглядев на них, сказал:

– А мне нравится, создает элемент новизны. Надоело махать клинком в чистом поле.

Поскольку согласие в этом вопросе было недостижимо и вдобавок не имело большого значения, они не стали тратить время на споры. Посмотрев сквозь стену, Меф сообщил, что врагов поблизости не заметно, и вышиб дверь ударом ноги.

– Экономьте патроны, – грозно напутствовал пехотинцев Вервольф.

Рота растянулась вдоль темного коридора, поднялась на два яруса и лишь здесь встретила нескольких гверфов. Уложив патруль длинными очередями – об экономии боеприпасов никто, конечно же, не вспомнил, – пошли дальше. Пока их рейд напоминал увеселительное путешествие. Шквал пуль сметал свинорылых, которые не успевали даже сообразить, каким образом в глубоком тылу оказались нирванские солдаты.

Серьезный бой случился только на первом надземном этаже, где пришлось пострелять от души. Добрых полсотни оккупантов вздумали атаковать нирванцев и даже сделали несколько залпов из арбалетов. Первую волну гверфов положили быстро, но при этом солдаты расстреляли магазины и замешкались, перезаряжая автоматы. Вервольф снова раскричался, требуя беречь патроны, но тут ворвался еще один вражеский отряд, и пришлось взяться за мечи.

Вращая клинками, Фауст и Вервольф бросились на свинорылых, увлекая за собой взвод гоплитов. Навстречу встали частоколом десятки копий, и братья рубили древки, пробиваясь в ближний бой, чтобы кромсать ненавистные туши двуногого зверья. Сумбурным наскоком удалось вытеснить противника в следующее помещение, которое оказалось широким коридором. Одна стена коридора смотрела окнами на улицу. Снаружи звенел металл и слышался мощный рев – братья сразу узнали голос отца, призывавшего усилить натиск и ворваться в последнее убежище неприятеля. Сражение за Цитадель явно близилось к финальной черте.

На другом конце коридора показалась новая сотня гверфов, они приближались медленным шагом, прикрывшись щитами и наставив алебарды. Подпустив их на разумную дистанцию, нирванцы швырнули гранаты, а затем огнеметчик выпустил добрую струю пламени. Немногие выжившие после этого гверфы были так ошеломлены, что даже не сопротивлялись, когда гоплиты добивали их мечами. Потом появился Мефисто с двумя взводами, успевшими перезарядить автоматы, и сильно расстроился, что братья управились без него.

Теперь они разделились. Каждый из царских сыновей взял по взводу, и они пошли по разным коридорам, осматривая каждую комнату и расстреливая прятавшихся внутри врагов. Зачистив свой сектор, Мефисто перешел на второй этаж, а следом за ним поднималась пехота, ворвавшаяся в Цитадель через стены.

Примерно через полчаса, собрав свой отряд, Меф приказал вставить новые магазины и связался с братьями.

– Иду на третий этаж, – похвастался он.

– Я давно уже на третьем, – фыркнул в ответ Вервольф.

– Я тоже, – сообщил Фауст. – Так что тебе здесь делать нечего. Опоздавшим прямая дорога на четвертый.

На верхнем ярусе скопилось множество свинорылой сволочи, которая вовсе не горела желанием героически погибнуть в битве. Побросав оружие, гверфы пали ниц и принялись скулить, вымаливая пощаду. Оставив Крольда разбираться с пленными и вообще заканчивать зачистку, Меф направился напрямик в апартаменты здешнего коменданта.

Вход преграждали три здоровенных гверфа из числа особо тупых фанатиков. Нашпиговав их свинцом, нирванец выломал оказавшуюся запертой дверь, напоил Серитойох кровью

еще двух стражников и наконец вошел в кабинет. Комендант сидел за столом, бессмысленно уставясь на Карту с пейзажем Хаоса, и монотонно повторял призыв откликнуться. Меф схватил свиноголового за шкурку и выставил пинком за дверь, крикнув вслед:

– Крольд, займись этим кабанчиком!

Герцог просмотрел архивы, но бумаги были составлены безалаберно и хранились без каких-либо намеков на систематизацию. Меф понял, что не сумеет узнать никаких подробностей о временах, когда Хаос послал армию полужверей в поход на царство его деда.

– Ты здесь? – В дверях стоял Вервольф. – Пошли. Папа зовет взглянуть на Пирамиду.

– Хорошая мысль... – Мефисто шагнул к брату, но тут же вернулся за стол. – Помоги пробиться через этот Козырь.

Объединенными усилиями братья немного уравнили скорость потоков времени, преодолев толщу незримых миров, разделявших противоположные вершины вселенского треугольника. В контуре Карты прорисовалось недовольное лицо взлохмаченной Дары.

– Привет, королева, это снова я, – весело сообщил Меф. – Можешь не торопиться с отправлением карательной экспедиции.

– Что ты имеешь в виду? – не поняла она спросонок.

– Спешу тебя порадовать. Мы уже освободили нирванскую Цитадель.

Дара скосила взгляд в сторону от Карты и неслышно прошептала заклинание – вероятно, включила какое-то магическое устройство. Потом ее глаза расширились. Похоже, демонесса сообразила, о чем он говорит, и поэтому здорово расвишлась.

– Мои солдаты придут и сотрут с лица Отражений... – Она запнулась и продолжила чуть спокойнее: – Ты приговорен. Рано или поздно я расправлюсь с тобой.

– Я уже испугался, – хихикнул Мефисто. Она снова стала выкрикивать угрозы. «Истеричка», – подумал Меф и сказал примирительно:

– Согласись, я не слишком виноват в смерти Юрта. Его погубил твой приказ расправиться со мной.

– Негодяй, ты подло убил моего мальчика! Ты и твой брат-колдун...

– Выпусти пар, – посоветовал старший Сын Вампира. – Мой брат хотел всего лишь избавиться от другого сына Бранда. Если бы Юрт не напал на Фау, ничего бы с твоим мальчиком не случилось.

Дара надменно бросила:

– Мне наскучил этот разговор. Тебя ждет очень плохой конец.

– Надеюсь, мой конец снова доставит тебе удовольствие, – смиренно произнес Мефисто. Карта сложилась и нагрелась до комнатной температуры. Вервольф с чувством сказал:

– Кажется, ты сумел ее достать. Дорогой братишка, прими мои искренние поздравления.

– Учись, – рассмеялся Меф.

Отец и средний брат, поджидая задержавшихся, рассматривали Спиральную Пирамиду, разрушенную Суэйвиллом в день страшного поражения Нирваны. Золотистые струны силовых линий по-прежнему сплетались в сложную конструкцию – широкую у основания и сужающуюся к верхушке. Однако в призрачной массе зияли прорехи бездонной тьмы Хаоса – в тех местах, где к Спирали прикоснулся магический наконечник Копья Скорби. В роковой день прекратилось непрерывное движение деталей, и Золотая Пирамида застыла, утратив сверхъестественные свойства, превращавшие обычный рисунок в Источник Мощи, равный Лабиринту и Логрису.

– Она похожа на Спираль, что осталась в Артаньяне, – прошептал Вервольф. – Но кажется более совершенной.

– Так и должно быть. – Отец развел руками. – Ведь это – Главный Узор. Три его действующих Отражения, расположенные в Нибельхейме, Аквариусе и Анаврине, также были пол-

ноценными Источниками Мощи, но они, скорее всего, тоже разрушены. А в отдаленных провинциях вроде Артаньяна, Эльсинора, Шикунды или Айрата имеются лишь бледные копии – Отражения Отражений. Узоры третьего порядка. Дефектные и бессильные.

– Спираль Зазеркалья не может быть повреждена! – выкрикнул Фауст. – Леди Геката заперлась в центре Узора и ждет нас.

– Будем надеяться, – со вздохом произнес отец. – Поверьте, я хочу этого больше, чем вы трое, вместе взятые.

Мефисто ступил на Первый Пандус и сделал неуверенный шаг по упругому, слегка закрученному против часовой стрелки отрезку золотистой ленты. Пришло знакомое ощущение втекающей в него Мощи, но приток был слабым, почти неуловимым. Герцог поднялся до Развилки и, не раздумывая, прыгнул на дорожку Нисходящего Витка. Через три шага пришлось остановиться: впереди разверзлась черная пропасть, поглотившая и продолжение Витка и сердцевину Винтовой Лестницы. Не желая больше расстраиваться, Меф вернулся к родственникам, злобно сказав:

– Нет пути. Пробоины тянутся сквозь всю конструкцию. Отец равнодушно ответил, пожимая плечами:

– Рано или поздно мы восстановим Пирамиду. Но сначала кое-кому придется ответить за разрушенные Источники. Даю слово... – Он двинулся к двери, на ходу отдавая распоряжения: – Вервольф, собери полковых командиров. Мы будем взламывать соседние Отражения, пока не прорвемся в Зазеркалье.

Они вышли из пещеры в жилые секции Цитадели. Под присмотром гоплитов пленные гверфы выносили из помещений трупы. Перед центральным укреплением выстроились подразделения, и царь приказал еще раз прочесать сверху донизу все помещения. Мефу он поручил отобрать десяток смекалистых офицеров, чтобы наладить розыск особо ценных документов. Вервольфу было введено организовать отдых и пополнение частей, бравших штурмом Цитадель.

– Теперь о тех, кто сегодня отдыхал, – сказал царь, который никогда ничего никому не забывал. – Ренк и Далт, вы жаловались, что ваши войска весь день скучали. Я приказываю вам овладеть Отражением Шикунда. Командиром экспедиции назначаю герцога Фауста.

Вероятно, отец предупредил Фау об этом задании, поэтому Брат Дьявола и Оборотня сразу осведомился, как скоро смогут выступить в поход рыцарская конница и стрелки. Ренк с Далтом замаялись, недружно ответив: дескать, можем хоть сейчас, но лучше бы дать часок-другой на кормежку бойцов и, главное, коней.

– Я и сам собирался подкрепиться, – сообщил добрый доктор Фауст. – Выступаем через два часа. Разместите личный состав в восточном крыле и распорядитесь, чтобы вам подвезли провиант.

– Зачем нам провиант?! – Ренк расхохотался. – Вон сколько свинины вокруг валяется.

Полковники разошлись, и возле царской семьи остался только Смилодон. Заметив эльсинорца, повелитель, прищурившись, тепло обратился к воеводе:

– Хочешь о чем-то просить, солдат?

– Ваше величество, герцог Фауст обещал, что освободит Эльсинор.

– Без сомнения, освободит. Мои сыновья всегда держат слово. Иначе перестанут быть моими сыновьями. Смилодон продолжил, умоляюще понизив голос:

– Вы позволите моему полку участвовать в этом деле? Укоризненно потыкав воеводу кулаком, царь сказал:

– И не стыдно тебе говорить об этом? Сам должен был догадаться – Эльсинор будут освобождать эльсинорцы. Включая твою кошачью породу.

За обедом отец восхищался новым оружием, что появилось за время, которое он провел в спячке. Особенно потрясли царя огнеметы.

– Бесподобная штука! – восклицал он, размахивая стаканом. – Солдат нажимает крохотную хреновину, из трубы вылетает пламя, какое не каждый дракон способен выплюнуть, – и полсотни врагов словно не бывало.

– Автоматы тебе понравились меньше? – удивленно и немного обиженно спросил Вервольф.

– Тоже превосходная вещь, – согласился старик, – И пушки, и пулеметы, и пароходы... Я только компьютер не прочувствовал. Вы все так восхищаетесь, но... В общем, не знаю.

– Распробуешь, – заверил отца Фауст. – Ты лучше расскажи, чего мне ждать в Шикунде. Там будет много врагов?

– Не в обычном смысле. Не думаю, чтобы вожди Хаоса пустили туда наемников.

– Просто чудовища?

– Тебе и этого хватит. Некоторые монстры бывают весьма оригинальны. – Отец отрезал кусок фаршированного фазана и добавил: – Не стоит слишком беречь солдат Далта. Чем больше их поляжет, тем меньше хлопот будет после.

– Не беспокойся. – Фауст даже не улыбнулся. – Я постараюсь, чтобы все они остались в степях и джунглях Шикунды.

Немного подумав, царь заметил:

– Все-таки не слишком усердствуй. Нам еще понадобятся смертники на подступах к Эльсинуру.

Последняя реплика развеселила сыновей, и Меф поднял тост за благоразумную предусмотрительность. Фауст, ловко орудуя искривленным зазубренным кинжалом, отхватил большой ломоть каравая, намазал на хлеб солидную порцию паштета, украсил бутерброд ломтиками соленых огурцов и, полюбовавшись своим творением, вдруг проговорил:

– Папа, мы узнали многое, но не успели обдумать новые знания. Лабиринт и Логрус договорились о перемирии, словно готовятся к совместным действиям против общего врага. Получается, что Лабиринт заранее приготовился к повреждению – организовал реставрацию Дефектного Узора. Логрус был этим недоволен, однако всерьез не противился. В общем, баланс сохранился. И я не понимаю: неужели единственный итог столь долгих маневров – новое безумие Дворкина?

– И Камень в глазнице коварной принцессы, – добавил Мефисто.

Отец понимающе усмехнулся:

– Фау опасается, что Единорог и Змея готовы объединиться против нас. Где же в таком случае признаки большого похода на Нирвану? Дара только собирается, но все время забывает из-за неотложных личных дел.

Вервольф немедленно задал вопрос, который братья уже много веков относили к числу проклятых:

– Способны ли два Источника Мощи ударить в нас непосредственно, не прибегая к услугам обитателей подвластных им Теней?

– Вряд ли, – не слишком убежденно сказал отец, – На таких расстояниях их силы быстро угасают. Однако они могли бы, не дожидаясь Дары, послать на нас орду варваров или неисчислимые стада чудовищ. Не забывайте, после повреждения Пирамиды пролегли Дороги от Нирваны к странам Порядка и Хаоса, вдоль которых легко передвигать даже диких безмозглых тварей.

– Ты имеешь в виду, что они готовятся к войне, но не с нами? – спросил старший Сын Вампира. Отец кивнул.

– Они готовятся к чему-то, но не обязательно к войне и не обязательно с нами.

Семья продолжила пиршество, но затем Вервольф вдруг вернулся к оборвавшемуся разговору:

– Когда Ринальдо повредил Лабиринт, исчезла Тропа, соединяющая Нирвану с Амбером. Означает ли это, что Лабиринт пока менее опасен?

– С нас хватит и одного Хаоса, – отмахнулся царь. Тем не менее Фауст продолжал сомневаться, поэтому высказал вслух свои опасения

– Великие Силы что-то замышляют – я это чувствую. И еще я твердо уяснил: их активность не сулит нам ничего доброго.

Встав из-за стола, Мефисто потянулся и сказал:

– Игру против Великих Сил начал наш слишком умный приятель Мандор – пусть на него и обрушится гнев Прародителей. А тебе сейчас нужно остерегаться Джулии, которая любит совать нос в чужое Искусство. Поэтому постарайся не показывать при ней Хрустальный Шар.

– Он меня, кажется, учить вздумал, – сокрушенно вздохнул средний брат. – Когда это я выдавал свои тайны случайным попутчикам? Даже Льювилла ничего не сумела вывести, а мы с ней уже не первую сотню лет...

– Довольно! – прервал сыновей повелитель Нирваны. – Поели, попили, потрепались – пора и делом заняться для разнообразия.

Готовые к походу полки – тяжелобронированные рыцари, крылатая кавалерия и посаженные в седла стрелки – выстроились на поле возле Восточного бастиона. За спиной оставались Цитадель и Нирвана, впереди расстиралось степное бездорожье, и только далеко-далеко, у самого горизонта, темнел лес.

Осмотрев войска, царь ничем не выразил одобрения или недовольства. Лишь прокричал несколько подобающих случаю фраз, призывая исполнить долг, то есть совершить прогулку по не слишком опасным землям, коим давно пора вернуться под крыло законной власти.

– Главное – будьте осторожны и не зарывайтесь, – посоветовал его величество. – Если встретится магия, зовите на подмогу герцога Фауста, а сами придержите коней.

Джулия во все глаза пялилась на царя, который впервые показался без маски, и при первой же удобной возможности подобралась поближе, чтобы напомнить:

– Сир, я тоже изучала Искусство.

– Трудно этого не заметить! – Старик усмехнулся, – Будешь помогать моему сыну, но не пытайся командовать. Он только с виду смирный... – Джулия продолжала тарашиться, и царь спросил: – Неужели я так похож на пресловутого графа?

– Как вы догадались? – пискнула она. – Да, ваше величество, очень похожи. Даже сильнее, чем Меф и Фау, чтоб мне сдохнуть!

Не знакомый с принятой на Тортуге лексикой царь удивленно поднял брови, но спросил о другом:

– Каким он был, этот мой двойник?

– Длинный, худощавый. На лицо чуть старше вас и поуже в плечах. Любил пить кровь, особенно человеческую. Жил очень долго, много веков.

Меф сказал, рассмеявшись:

– Под такой словесный портрет подходит любой Повелитель Теней... – Подумав, он уточнил: – Если исключить некоторые детали, вроде комплекции.

– Вряд ли это был мой двойник, – задумчиво проговорил отец. – Может, двойник Лабиринтова призрака? Это объясняет, почему он так тянется к крови – из подсознательного желания превратиться в полноценное существо. Обычно вампирами становятся именно по этой причине.

– Разве у призраков могут быть двойники? – поразила ведьма,

– Почему бы и нет? – Старик развел руками. – Я не знаю законов, запрещающих такой феномен.

Сыновья успешно попрытали улыбки. Папочка откровенно морочил голову глупой ведьме-самоучке, но делал это с подлинным мастерством. Столь авторитетному тону трудно было не поверить.

Впрочем, отцу быстро наскучили словесные развлечения, и он скомандовал:

– Отправляйтесь.

Протрубили рожки, копыта мягко ударили по сочной траве. Три сотни всадников вытянулись в колонну под теплым солнцем ранней осени. Потом внезапно заморосило, а трава обернулась колючими комочками. Целое поле мокрых репейников под быстро темнеющими облаками.

Вскоре дождь падал стеной, и видимость совсем пропала. Главным ориентиром остался рычащий в голове кавалькады голос герцога:

– Подтянуться, не отставать!

Затем был туман. Камни под копытами. Вой хищников в белесой мути. Продрогшие воины зябко кутались в промокшие накидки. Движение замедлилось.

Лучи оранжевого светила разорвали непроглядность, а ветер унес остатки туманного облака. Солнце в небе ритмично меняло окраску: красное – оранжевое – желтое – оранжевое – красное – оранжевое – желтое... И цвет неба тоже менялся: от темно-синего фона вокруг красного диска до зеленого полотнища, когда солнце становилось желтым. Стало теплее, люди и кони чуть повеселели, вдыхая незнакомые ароматы.

Зверье, обитавшее под лиловыми сводами здешних джунглей, приняло колонну за стадо диких травоядных. Одного хищника стряхнул со своего копыта рыцарь из отряда Ренка, другую тварь подстрелили наемники Далта.

Пнув ногой покрытую костяными пластинками короткую шею убитого зверя, Джулия сообщила:

– Мне здесь нравится. Это и есть Шикунда?

– Не совсем... – Фауст с недовольным видом поглядывал по сторонам. – Приготовь защитные заклинания. И атакующие тоже.

– Ты ждешь нападения?

– Здесь сотни лет не было Повелителей. Чего угодно можно ожидать.

Отряд проехал еще десяток миль, прежде чем Фауст удовлетворенно сказал, что они почти у цели. При этом он обратил внимание на легкую панику среди личного состава.

Рыцари, включая самого Ренка, никогда прежде не совершали столь дальних рейдов сквозь Тени. Быстрая смена декораций потрясла артаньянцев. Бойцам требовалось время, чтобы успокоиться.

– Большой привал! – распорядился герцог. – Командиры, организуйте кормежку.

Напряжение заметно упало, когда войско разбило лагерь возле старой запруды. Спешившись, Далт кинул поводья кому-то из своих головорезов. Потом, показывая рукой на замшелые камни и бревна, перегородившие речное русло, спросил Фауста:

– Здесь кто-то живет?

– Кто здесь может жить... – Герцог отмахнулся. – Это ведь не настоящий мир. Так, полупризрачная Тень, возникающая на время нашего марш-броска. Мы уйдем – Тень растает.

– А в том месте, куда мы направляемся?

– Не знаю. – Фауст пожал плечами. – Меф рассказывал, что населенные Отражения были эвакуированы. Когда армия нашего деда отступала под натиском Хаоса, большую часть жителей удалось вывезти в Артаньян. Поэтому в нашем крохотном королевстве столько существ разных видов.

Он подумал, что полная эвакуация все равно невозможна. Кто-то наверняка остался в Шикунде, и в Айрате, и в остальных владениях Пирамиды. Другой вопрос – удалось ли выжить этим крохотным колониям?

Солдаты уже купались в запруде, поили коней. Самые шустрые и хозяйственные ловили рыбу и раков. Внезапно сети забились особенно сильно, и пробежал слух, что попалась русалка. К общему разочарованию, это оказалась всего лишь большая рыбина неизвестной, но вполне съедобной породы.

Доедая похлебку, Далт подозрительно спросил:

– Твой брат на самом деле нашел дневник Люка или смастерил ловкую фальшивку?

– Не стал бы он возиться с подделками. Не его стиль.

– Зато стиль Люка чувствуется, – прорычал сын Обе-рона. – Этот ублюдок всегда был маленьким злобным гаденышем. Всех кинул!

Джулия с мягкой угрозой мурлыкнула: дескать, мы еще доберемся до лживой душонки подлого подранка из Замка Четырех Миров. Разозлившись сверх меры, они с Далтом выболтали кое-какие детали игры, которую вел Ринальдо. Оказалось, что у Люка была давняя связь с Корал, однако любовники надоели друг другу. По словам Далта, Люк вспомнил о существовании Корал, когда узнал от матери, что Мерлин должен стать королем Хаоса. Сын Бранда легко уговорил Корал лечь под племянника, чтобы обзавестись полезными знакомствами в обоих королевских домах.

Прочитав стибренные Мефом записки Ринальдо, Далт проникся к нирванцам некоторым почтением и вдобавок был очень зол на Ринальдо и Ясру. Он буквально разрывался от желания отомстить. Во время привала они с Джулией без конца интересовались: когда, мол, пойдем на Замок?

– Я же говорил, что помогу вам, – меланхолично сказал Фауст. – Сделайте свою часть работы здесь, а мы выполним свои обязательства.

Он не узнал ничего принципиально нового. Во всяком случае, ничего такого, что могло бы его удивить. Вселенная была большим рингом, где проводились бои без правил. Вся жизнь нирванских герцогов давно превратилась в непрерывную схватку с демонами судьбы. Заезжаясь – попадешься на обманный финт. Не увидишь вовремя вражеский замах – пропустишь удар. В этой бесчестной игре успех приносила единственная тактика: самому наносить упреждающие удары, отправляя в нокаут или за канаты всех противников, включая потенциальных. Если же пропустил удар, то поскорее выползай из нокдауна и снова молоти всех подряд. Попросту это называлось законом джунглей.

Не вставая, Фауст зажмурился, одновременно накрыв Колоду близлежащих Отражений сетью силовых струн затрепетавшего Амулета. Шикунда оказалась совсем рядом – он видел слабую пульсацию полуразрушенной Спиральной Пирамиды.

– По коням! – скомандовал герцог. – Не на пикник едем. Шевелитесь.

Пространство несколько раз поворачивалось вокруг непостижимых осей, часто-часто колебалась цветовая гамма, пейзаж топорщился, подстраиваясь к переменчивому рельефу. Однажды очередное превращение завело колонну в речной поток, потом яркость красок вдруг потускнела, но быстро вернулась к норме. Наконец они очутились на холмистом поле, где росли кустики одичавших овощей. Похоже, никто не возделывал эту землю уже много лет.

Время не слишком церемонилось с брусчатой дорогой, но кладка сохранилась. Серая лента тракта извилисто тянулась между холмов, скрываясь из виду после третьего поворота, чтобы снова появиться вдалеке. Выехав на возвышенность, Фауст посмотрел в бинокль: дорога упиралась в мост через реку, а затем исчезала Б лесу. Где-то дальше должен был стоять замок

– герцог чувствовал слабый зов Золотой Спирали, поврежденной магическим копьём Суэйвилла.

Он послал на разведку двух крылатых рыцарей, и те, возвратившись, доложили обстановку. Среди прибрежных лесов затаились две деревушки, а за лесами разведчики действительно обнаружили сильно разгромленный замок, возведенный в нирванском стиле: два пятиугольника крепостных стен с угловыми бастionsами и в центре – цитадель, увенчанная башней со шпилем. В стенах зияли проломы – последствия Войны Трех Сил.

Повернувшись к своему разношерстному войску, Фауст нетерпеливо крикнул:

– А теперь покажите, что умеете двигаться быстро. Рысью – марш!

Копыта глухо ударили по булыжникам. Вереница всадников вытянулась вдоль тракта, уподобившись гигантской многоножке, стремительно бегущей по степи. Недолгий аккорд галопа – и степь осталась позади. Голова колонны втянулась в заросли. Здесь пришлось чуть замедлить бег скакунов.

Вековые осины, дубы, сосны и ели удивленно покачивали ветвями, приветствуя невиданных пришельцев. Топот кавалькады распугал лесных обитателей – на глаза не попало ни одного крупного зверя, хотя Фауст чуял притаившихся в чаще волков, медведей, лосей и оленей. Лишь жизнерадостная мелочь вроде белок и глухарей беззаботно поглядывала на войско блестящими бусинками глаз.

Грохоча броней и подковами, кавалерия добралась до реки. Возле моста герцог велел придержать коней и отправил на другой берег стрелков Далта. Под их прикрытием двинулись через мост рыцари графа Ренка, а сверху за окрестностями приглядывали бойцы на крылатых скакунах. Один из них, вернувшись к Фаусту, доложил:

– Мой герцог, в лесу скрываются люди.

– Армия? – быстро спросил Сын Вампира.

– Не похоже. Скорее, местные крестьяне. Или разбойники.

– Невелика разница, – Фауст успокоился. – И опасность невелика. Крикни им сверху, чтобы не прятались, а подходили к переправе.

Пощекотав шпорой бок Волчка, он проскакал через мост. Большая часть войска уже переправилась. Вернувшийся из полета рыцарь рассказал, что хоронящиеся в лесу люди, услышав голос с неба, разбежались. Пожав плечами, Фауст повел колонну к замку.

Догнав герцога, Далт поскакал рядом. Некоторое время наемник ехал молча, потом осведомился:

– Ты будешь ставить гарнизоны в каждой деревне?

– Войск не хватит.

– Как же ты намерен держать под контролем все Отражение? Это же целая планета!

– Достаточно занять надежную крепость и пару близлежащих поселений. Остальные сами потянутся. Мужикам надо менять молоко и картошку на другие товары.

Фауст не сказал, что главное в таком деле – контролировать Источник Мощи, пусть даже дефектный. Обычно этого бывает вполне достаточно, чтобы Отражение повиновалось командиром крепостного гарнизона.

Почуввав возвращение повелителя, расставленные на стенах каменные твари замахали крыльями, загудели в трубы. Изваяния трижды сотрясли воздух приветственными воплями и снова погрузились в молчаливую неподвижность, положенную мертвой материи.

Крепость хранила многочисленные следы давней битвы: проломы в стенах, оплавленная облицовка бастionsов, скелеты драконов и других ублюдков Хаоса в пересохшем рву. Гарнизон оборонялся ожесточенно и умело, истребив колоссальные орды врагов. Отвага защитников замка Шикунды задержала здесь немалые силы Суэйвилла, чем спасла от оккупации Артаньян.

– Мой дед рассказывал про эту битву, – прошептал потрясенный Ренк. – На штурм пошли рогатые великаны, которые горели, получив глубокую рану. Они четырежды бросались на стену со стороны реки, и четырежды король Гамлет отражал приступ.

– А потом они ударили всеми силами по северной стене. – Фауст кивнул. – Суэйвилл пробился во внутренний двор, отдав десяток своих выроdkов за каждого нашего бойца. И тогда мой дед козырнул остатки гарнизона в Нирвану, а на прощанье поджег воздух над Шикундой.

Хроники обрывались на эвакуации, но в дни изгнания братья не раз заглядывали сюда посредством магического кристалла Врагов в Шикунде они не видели. Прощальный пожар испепелил ворвавшихся в крепость монстров Хаоса, а впоследствии Суэйвиллу не было надобности держать здесь оккупационные силы. Воспоминания о той славной битве стали темой бесчисленного множества картин и песен, все царство гордилось подвигом предков. И только Фауст трепетал, когда слышал имя этого Отражения – он безумно завидовал магическому таланту деда, сумевшего превратить атмосферу в огненное море...

Отряд осторожно растекался по каменным лабиринтам, распугивая обосновавшихся в руинах крыс и птиц. Пробиваясь сквозь плиты, пышно росли сорные травы, в проломах и выбитых окнах гулял ветер.

– Сколько лет понадобится, чтобы залатать эти дыры... – вырвалось у Далта. – А ведь надежная была постройка. Поставить бы пушки на стенах – никакой Хаос не страшен.

– Не страшен... – эхом отозвался нирванский герцог. – Вот что, молодые люди, разворачивайте коней и убирайтесь подальше. В ближайшее время здесь будет небезопасно

Джулия вздумала возражать, но получила по извилинам оплеуху силовой струной и больше не возникала. Выпроводив посторонних, Фауст отправил вслед за ними Волчка, а сам спустился в подземелье, где жалобно поскрипывала Золотая Спираль

Этот Источник Мощи был дефектен с самого начала времен, и Война Трех Сил не прибавила ему повреждений. Осторожно ступая по светящимся дорожкам, лесенкам и пандусам, Фауст повторил знакомый маршрут, чувствуя, как пульсируют по его телу обновляющие потоки Мощи.

Взобравшись на верхнюю площадку Спиральной Пирамиды, рассеченную трещинами врожденного дефекта, нирванец приготовил к работе оба Амулета – в перстне и на темляке Рубильника. Нечто подобное он не так давно сделал в камере, где отбывал срок ослепленный Корвин, но сейчас предстояла работенка более высокого порядка – ювелирная по тонкости и слоновая по тяжести.

Закрыв глаза, он мысленно нарисовал трехмерный чертеж древней крепости, на котором высветились грязные пятна повреждений. Фауст потянулся сознанием в прошлое этой постройки, и память Спиральной Пирамиды услужливо подсказала, каким был замок в лучшие времена, когда здесь сверкал полированный паркет, а стены покрывала свежая штукатурка.

– Восстановить, – приказал герцог.

Пирамида выплеснула потоки Мощи, которая устремилась сквозь трансцендентную сущность Фауста, и герцог направил силу магии через Амулеты. Он водил по чертежу крепости воображаемой кистью, сплетенной из силовых жгутов, и методично стирал серые пятна проломов и трещин. Кое-где ремонт продвигался легко и быстро, в других местах приходилось повторять зачистку снова и снова.

Фауст потерял счет времени, раз за разом фокусируя магию на разрушенные части замка. Каждая удача сопровождалась горячей волной удовлетворения, но задержки, отнимая силу, больно били по нервам и самолюбию. И было еще одно место на верхних замковых ярусах – магическая схема изобразила эту часть крепости красными штрихами, – которое не поддавалось ремонту, неизменно отбрасывая невидимый инструмент нирванца. В конце концов Фауст раздраженно решил поскорее закончить реставрацию доступных участков, а строптивую камеру оставить на потом.

Солнечное небо внезапно затянулось тяжелыми тучами. Стремительно стемнело. Засверкали молнии, они били прямо по громоотводу на шпиле цитадели. Порывы ветра пригибали деревья к траве и поднимали облака пыли. По крепостным стенам заметались искры – словно на мачтах корабля в штормовом океане.

Люди не сразу заметили, как затягиваются дыры, пробитые в каменной кладке. Потом за стенами поднялась туча песка, сухих веток и прочего мусора, которая унеслась прочь и упала где-то за лесом. Молнии стали бить реже, ударил ливень, смывший грязь, и крепость предстала целой и посвежевшей.

Буря прекратилась внезапно, разошлись облака, солнце уронило лучи на мокрое поле. Потрясенное воинство молча разглядывало помолодевший на тысячу лет замок. Фауст показался между зубцами внешней стены и помахал рукой. Личная гвардия герцога немедленно взмыла в воздух, в замок поскакали и остальные.

Возрожденный замок ошеломил воинов мрачным великолепием. Словно не было веков запустения, словно руки мастеров лишь вчера завершили работу.

Сидевший за столом в главном чертоге Фауст выглядел утомленным. Он жадно пил красное вино из фляги и торопливо отправлял в рот ломти ветчины, которые отрезал своим кинжалом от огромного окорока.

– Возле угловых бастиионов должны быть казармы, – проговорил он с набитым ртом. – Разместите солдат. Потом отправим отряды в ближайшие деревни. Ренк, вдолби своим костоломам, чтобы не убивали деревенских без самой крайней надобности. Пусть пригонят сюда выборных – я сам объявлю мужикам, что Нирвана вернулась надолго.

Отсалутовав, Ренк, Далт и трое крылатых гвардейцев вышли. Осталась только Джулия, вкрадчиво сказавшая:

– Ваше высочество, я почувствовала знакомые пульсации Мощи. Вероятно, под этим замком есть дефектная копия Лабиринта?

– Здесь много опасных игрушек, – проворчал Фауст. – Иди отдыхай. А еще лучше – займись делом.

– Я бы хотела... Герцог прервал ее:

– Забудь. Если станем много болтать по любому поводу, наемники Дары захватят нас врасплох. Располагайся в минарете на южной стороне и организуй наблюдение за межтеневыми подступами.

Переменившись в лице, встревоженная перспективой попасть в лапы несостоявшейся свекрови, ведьма убежала выполнять приказ. Фауст ухмыльнулся: дурочка испугалась, значит, будет слушаться. Он достал Карту отца и доложил о захвате Шикунды. Выслушав сына, царь спросил:

– Там, случайно, нет помещений, запечатанных охранными чарами?

– Есть что-то непонятное. На верхнем этаже, возле королевских покоев. Я как раз собирался взломать защиту.

– Не надо. – Отец погрозил пальцем. – Эти чары ставил я, мне и снимать. Похоже, уцелела часть нашего архива.

– Приятно слышать. Отправь сюда команду придворных. Надо приглядывать за домиком. И ковер не помешал бы.

– Организуем. И еще пару сотен крестьян отправлю. Там есть заброшенные деревни?

– Сколько угодно. А вот населения маловато.

– Зато здесь избыток. – Царь подмигнул. – Я скоро отправлюсь в Аквариус, а ты проводи разведку в сторону.

Эльсинора. Завтра к тебе подойдут резервы. Этот воевода прямо рвется в бой – ну, который на кота в сапогах похож...

– Смилодон, – подсказал Фауст. – Присылай его. И стрелков гони сюда, и артиллеристов. За отцовской спиной показался Вервольф, сообщивший:

– И мы с братиком подвалим.

– Подваливайте, – разрешил гостеприимный Брат Дьявола и Оборотня. – Для всех хватит места и хлопот.

Вечером снайперы Далта расстреляли отряд кавалеристов, шнырявший в лесу неподалеку от замка. Трое человекообразных, сраженные пулями, сгорели дотла. Двоим удалось избежать встречи с пулей, и они ускакали по Черной Дороге.

III

– Крутое местечко, – восхитился Мерлин после пятого стакана. – Не думал, что в Амбере есть такие чудесные уголки.

– Обижаешь, племянник. – Лювилла гордо взмахнула зелеными волнами прически.

Сабантуй по поводу объединения Семьи и коронации Мерлина устроили в охотничьем замке Оберона на восточной окраине Арденнского леса. Здесь было тихо и уютно: полные непуганой дичи пышные дубравы и ельники, уютные домики под многовековыми деревьями, густой аромат дикой флоры, над речками и каналами нависают вычурные мосты, сложенные из огромных замшелых камней.

– Мне тоже нравится, – сообщил Колесный Призрак. – В прошлую нашу встречу вы оказались в куда менее приятном месте.

– Там была своя прелесть, – хохотнул Жерар. – Столько родни повидали!

– Да уж, где еще мы могли встретить Озрика, – согласился Рэндом: – Глаза б мои его не видели.

А мрачный по природе Бенедикт вдруг осведомился, похлопав колесо по янтарному ободу:

– Скажи-ка, внучатый племяш, где тебе больше нравится – здесь или в Хаосе?

– Провокационный вопрос. – Корвин поморщился. – Надеюсь, ты не станешь требовать, чтобы мой внук присягнул на верность Короне Амбера?

– Было бы не так уж плохо, – жестко изрек старший брат.

– Но маловероятно, – вставила Дейдра. – Призрак, тебе не обязательно отвечать.

Светящийся бублик межтеневого процессора продолжал плавно кружиться над беседкой. Наконец он ответил:

– Мне бы не хотелось делать выбор между двумя королевствами. Вообще, я – космополит, а потому считаю подданство анахронизмом.

– Вот оно, молодое поколение, – грустно резюмировал Рэндом. – Никаких убеждений, никаких принципов.

– У меня есть принципы, – немного обиженно возразил Призрак. – Я всегда помогаю папе.

Фиона снисходительно заметила, что таких же принципов придерживается приснопамятная нирванская семейка. Меф и Фау, сказала она, слоняются по всем Отражениям и нанимаются на службу к кому ни попадя, однако уверяют, будто делают это во имя своей родни и своего королевства.

Призрак обиделся еще сильнее и решил, что нирванцы – вполне симпатичные ребята, с которыми следует познакомиться поближе. Впрочем, обижать бабушку Фи он постеснялся, а потому спросил, не желают ли дорогие родственники, чтобы он подал сладкое. Дорогие родственники не возражали, и на столах появились шоколадные конфеты, торты, чай, кофе и ликеры.

Самая шумная компания собралась вокруг Гиневры. Авалонская королева бурно восхищалась по любому поводу, чем совершенно очаровала всю Семью. При этом она ухитрилась договориться об устройстве факторий, о размещении войск, о командировке ученых для чтения лекций в университете.

– Деловая у нас девочка, – сказала Дейдра тоном удивленного одобрения. – Не чета родителям-разгильдяям.

– Похоже, у нее была непростая жизнь между двумя Авалонами, – хмыкнул Корвин. – Между прочим, мы так и не выяснили, где и как она жила все те годы.

Он решительно потребовал внимания и предложил выслушать рассказ Гиневры. Остальные поддержали серебристо-черного принца, поскольку этот вопрос интересовал многих.

Ги сделалась скучной, но все-таки сказала:

– Я помню, что, когда была совсем маленькой девочкой, жила в доме возле реки. Рядом было поле, где росли цветы, а дальше начинался лес. За мной присматривали три женщины. Тогда они казались мне очень старыми, но теперь я догадываюсь, что им было лет по сорок. Там еще были разные домашние животные. Однажды появилась девушка чуть постарше меня, она сказала: «Госпожа, тебе исполнилось десять лет, и пора учиться, чтобы ты могла стать настоящей королевой». Назавтра пришли учителя, которые давали разные уроки. К шестнадцати годам я знала логарифмы и освоила рукопашный бой с оружием и без. После этого в большой комнате появилась игра – большой стол, накрытый прозрачной крышкой, а внутри были крохотные домики, в них жили человечки ростом меньше моего ногтя. Я была их королевой и отдавала приказы, но многое они умели сами: без моих повелений знали, когда сеять хлеб или собирать урожай. Однажды во сне я услышала голос: «Твое детство закончилось. Ступай в Авалон и стань королевой». Когда я проснулась, все слуги исчезли, но перед домом появилась дорога. Я пошла по этой дороге и оказалась в Авалоне. Дальнейшее вы знаете.

– Не знаю, – опешил Корвин. – Откуда мне знать?

– Ах да, я рассказывала об этом Мефу... В общем, пришлось перебить несколько десятков особо тупых отморожков, после чего я сказала, что прихожусь то ли дочерью, то ли племянницей кому-то из предыдущих монархов. На этом они успокоились и признали полную легитимность моей власти.

– С их стороны такое решение было разумным, – одобрил Рэндом.

– А то! – Ги самодовольно ухмыльнулась. – Иначе мне пришлось бы покалечить второе больше народу.

История была совершенно невероятной, поэтому Фиона с Блейзом немедленно затеяли диспут о локальных и виртуальных Тенях. Мерлин со знанием дела добавил:

– Очередные шутки Великих Сил. Лабиринт держал сестренку в резерве и выпустил на сцену в нужный момент.

– Вы понимаете, что со мной случилось?! – Ги широко открыла глаза.

– В общих чертах, – сказал Корвин. – Такие вещи трудно понять до конца.

– А вот я не понимаю ровным счетом ничего, – не без вызова заявила Гиневра. – Может, дорогие родители удосужатся объяснить, каким образом потеряли своего единственного ребенка?

Дейдра разрыдалась, бросилась обнимать дочку, но от волнения ничего не могла сказать. Корвину в очередной раз пришлось отдуваться за двоих, и он поведал, что дедушка Оберон был категорически против внутрисемейных браков. Поэтому Корвин и Дейдра были вынуждены скрыть от отца рождение Гиневры. Потом силы Хаоса двинулись на приступ Авалона. Армию, которой командовал Корвин, Лунные Всадники оттеснили в другое Отражение, а город подвергся внезапному сокрушительному удару чистой Мощи Логруса. Когда все вокруг рушилось, Дейдра едва успела козырнуть в безопасное место.

– Та часть дворца, где находилась ты, была уничтожена первой же волной разрушения, – всхлипывая, сказала Дейдра. – Мы были уверены, что ты погибла.

– Сколько лет мне было, когда это случилось? – с искренним любопытством осведомилась Ги.

– Тебе тогда и года не было, – просветил ее отец, а сам подумал: «У девочки стальные нервы».

Приласкав мать, авалонская королева жизнерадостно сообщила, что не имеет претензий к родителям. Ободряюще кивнув им, она подошла к Бенедикту, чтобы продолжить обсужде-

ние деталей обороны своей столицы. Вздыхнув, Корвин поискал глазами сына. «Папа в бело-мраморной беседке», – услужливо шепнул Колесный Призрак.

Корал жаловалась на множество болезней, открывшихся после имплантации Камня Правосудия. Мерлин сочувственно слушал плаксивый рассказ о ночных кошмарах, внезапных перепадах температуры и давления, а также о колющих болях, пронизывающих череп и достигающих порой сквозь весь позвоночник до самого копчика. Девчонку было искренне жаль. В то же время он не мог забыть подозрения Мандора, поэтому твердо решил не распускать сопли и не слишком откровенничать с тетушкой, которую безумец Дворкин наделил неожиданным могуществом.

Все-таки он не удержался от естественного вопроса:

– Но ты хотя бы приобрела новые способности?

– По-моему, да. Хотя... – Корал задумалась. – Вся беда в том, что меня не обучали Искусству. И я не могу воспользоваться этими способностями, даже если они вдруг появились.

– Может быть, Дворкин потому и выбрал тебя – единственного оказавшегося под рукой Повелителя Теней, не знакомого с Искусством.

Корал собралась что-то ответить, но вдруг застонала и схватила за голову обеими руками. Когда Мерлин попытался применить целительные заклинания, его чары бестолково отразились от сферических волн Мощи, испускаемых Камнем Правосудия. Кашерская правительница замахала руками на племянника-любownika и сказала, чтобы он не пытался ей помочь.

– Само собой пройдет, – прошептала она, морщась от боли. – Такое часто случается.

– Я могу быть полезен?

– Вряд ли. Пойду в дом, полежу. Не провожай меня...

Она, покачиваясь, ушла за кусты. Спустя пару секунд с другой стороны появился Корвин. Проводив взглядом младшую сестру, принц спросил сына:

– Что с ней?

– Говорит, что Камень беспокоит.

– Еще бы не беспокоил! – Корвин зафыркал, как лошадь, вдохнувшая облако цветочной пыльцы. – Лично меня Камень беспокоил даже тогда, когда просто висел на шее.

Мерлин озабоченно сказал

– Папа, как ты относишься к предостережениям Мандора, будто Корал разыграла сложную интригу, чтобы завладеть Камнем, Кашерой и собственным Лабиринтом?

– Трудно ответить, не зная всех обстоятельств, а всех обстоятельств знать нельзя. Если девчонка унаследовала наши гены, то должна быть умелой интриганкой... А вообще-то версия Мандора похожа на правду, как любая хорошо продуманная ложь. Насколько я знаю Дворкина, он не должен был поступать таким образом. С другой стороны, никто не сказал, что интрига, если даже имела место, чем-то угрожает Амберу. Хотя, конечно, мы должны тщательно проверить, что там случилось. Надо будет нам с тобой прогуляться в Отражение восстановленного Узора.

– Сомневаюсь, что мы его найдем.

– Не такое находили. Мерлин засмеялся:

– Не в том дело. Просто Мандор считает, что отремонтированный мною Лабиринт оказался идентичен Главному, и поэтому Главный Узор поглотил Отражение восстановленного Лабиринта и усилился, впитав его энергию. Так что того Отражения просто не существует.

Нахмурившись, Корвин мысленно повторил доводы сына, неуверенно покачал головой.

– По-моему, так не бывает, – сказал он. – Никогда не слышал, чтобы Тени сливались. Тем более не бывает идентичных Узоров – все они чем-то отличаются. В общем, разберемся на месте.

Незаметно подкрававшийся Призрак осведомился, не желают ли предки выпить или закусь. Мерлин попросил виски с содовой и черную икру, а Корвин – бокал белого вина и трубку хорошего табака. Заказ немедленно материализовался на висящем в воздухе подносе.

– Зря ты так много куришь, – заботливо заметил Мерлин.

– У нас не бывает рака легких, – напомнил Корвин. – Как мать – успокоилась?

– Совсем обезумела. Готовит карательный поход против Нирваны. Войск я ей, конечно, не дам, но мамуля запросто может набрать кучу наемников. Кроме того, есть дружины разных баронов.

– Насколько серьезно ведется подготовка к военной операции?

– Она посылала разведчиков, которые проникли в то Отражение. Вернувшиеся донесли, что в Нирвану стянулась вся банда Далта, там же Джулия Барнес. У них есть огнестрельное оружие. Кажется, Фауст нашел новый состав пороха.

– Ты уверен? – Корвин начал нервничать. – Еще немного...

Он собирался сказать: мол, если так пойдет, и Хаос вскоре обзаведется пушками. Трудно было привыкнуть к мысли, что король Хаоса его собственный сын, а потому не стоит вслух называть королевство Абсурда фактором угрозы. По крайней мере, когда разговариваешь с сыном

– Я тоже обеспокоен, – признался Мерлин, которому врожденное легкомыслие помешало вникнуть в своевременно оборванную фразу отца. – Наверное, надо предупредить Семью, особенно дядю Бена.

Корвин печально подумал, что Мерль должен был сообщить такую новость сразу, а не в разгар вечеринки, когда родственники успели от души гульнуть и не способны к серьезному разговору. Однако серебристо-черный ошибся: несмотря на количество выпитого, его братья и сестры обсуждали вполне серьезные проблемы. Как обычно – с перебранками и взаимными упреками.

Джулиан не мог видеть подходивших сзади Корвина и Мерлина, а потому высказался по-солдатски прямолинейно'

– Главный Лабиринт поврежден из-за упрямства Мерлина и подлости Брандова отродья.

Стоявшая лицом к нему Флора успела заметить брата с племянником, а потому деликатно заметила:

– Сейчас не время искать виноватых. Пусть вы все считаете меня дурочкой...

– Идиоткой, – уточнила Льювилла. Она продолжала злиться на сестру за то, что та пыталась увести Фауста.

– Мое мнение о тебе несколько хуже, – огрызнулась Флора, – Но я все-таки скажу. По моему, надо забыть о других делах и срочно восстановить Лабиринт. Может быть, достаточно просто провести Корал с ее глазом по линиям Главного Узора.

– Сомневаюсь, что это получится, – немедленно возразила Фиона – Амберская плоть частично экранирует исходящую из Камня энергию.

Чертова дюжина Повелителей Теней снова затеяла свирепый спор. В конце концов решили попытаться, хотя Рэндом настаивал сначала найти Дворкина

– Я трижды в день вызываю деда по Козырю, – сообщила Фиона. – Карта даже не охлаждается.

– Ты хочешь сказать, что его нет в живых? – спросил Бенедикт. – На той неделе он выглядел вполне бодреньким. Фиона продолжала:

– Сколько раз мы считали старика мертвецом, а он появлялся в самый неожиданный момент. Думаю, Дворкин снова затаился в таких глухих Тенях, где нам его не достать.

– Да, это он умеет, – согласился Жерар.

Поскольку других идей не было, Рэндом приказал всем немедленно встряхнуться и взять курс на Главный Узор. Джулиан, Блейз и Мартин деловито принялись загружать корзины снедью, выпивкой и посудой. Тем временем Дейдра привела Корал, которой стало чуть получше.

– Готовы? – осведомилась Фиона, доставая из Колоды нужный Козырь.

– Начинай, – разрешил Жерар.

– Подожди минутку, – забеспокоилась Флора. – Стоит ли отправляться на такое дело в вечерних туалетах? Лучше переоденемся по-походному.

– На этот раз она говорит разумно, – признала Дейдра.

Колесный Призрак вызвался стонять в Амбер за колониальными костюмами, мужчины принялись чертыхаться, а женщины увлеклись обсуждением нарядов, которые наилучшим образом подошли бы для нового приключения. «Рыцарские доспехи», – с серьезным видом посоветовал Блейз. Сестры дружно послали его подальше, подробно описав маршрут следования.

В разгар этого благолепия, с треском ломая кусты, из зарослей на поляну вышла Единорог. С искренним сожалением оглядев потомков, она заявила:

– Даже не пробуйте. Логрус слишком силен – раздавит. Амбериты, естественно, захотели узнать побольше деталей, но Единорог только проворчала:

– Хорошо, хоть сегодня среди вас нет этого нирванского ублюдка.

– Чем он тебе так насолил? – осведомился Корвин.

– Очень старая история, – буркнула Единорог. – Кое-кто считает, что вам не нужно этого знать.

Поскольку ясно было, что Прародительница ничего сверх этого не скажет, все стали выяснять, как бы починить Лабиринт. В ответ Единорог открыла Америку, сказав, что для начала нужно ослабить Логрус. Фиона скептически поинтересовалась, почему Лабиринты не могут сами казнить бесформенного соперника или хотя бы прикрыть Амбер флюидами своей Мощи.

– У нас налаживаются добрые отношения с противоположной стороной, – сообщила Прародительница. – Решено не делать резких движений, способных пошатнуть сложившийся баланс.

– Но Ринальдо повредил наш Главный Узор, – напомнил Корвин.

– Нас не касаются ваши внутренние разборки, – отрезала Единорог. – Вы можете устроить вендетту, однако Логрус имеет полное право вам помешать.

– Вы заключили довольно неудобное соглашение, – заметил Рэндом.

Единорог помотала головой и почесала ухо задней ногой. Затем сказала:

– Как посмотреть. Во многих отношениях такой договор устраивает обе стороны и причиняет нам равные неудобства. В любом случае это лучше непрерывной войны.

Фигура мистического существа стала плоской, поблекла, сделалась прозрачной, а потом вовсе растаяла.

– Нас опять бросили на произвол судьбы, – резюмировал возмущенный Мартин, сам не представлявший, до какой степени он прав. – Проще говоря, кинули. Оставили один на один с враждебной Мощью.

Остальные полностью разделяли его мнение, и только Льювилла глубокомысленно произнесла:

– Источники Мощи словно повзрослели. Все равно остаются детьми, но хотя бы не устраивают драк по любому поводу.

Блейз ошеломленно воскликнул:

– Сестренка, в этом сравнении что-то есть! Они как дети – сами не знают, чего хотят!

– В том-то и беда, – вздохнула Льювилла. Рэндом раздраженно бросил:

– Нам не станет легче от вашей философии... – Он добавил чуть спокойнее: – Фиона, ты сейчас главный авторитет по этой части. Что скажешь?

Фи замешкалась с ответом. Маленькая рыжая ведьма довольно долго разглядывала Камень, вставленный в правую глазницу Корал. За последние дни Фиона делала это неоднократно, и всякий раз ее лицо становилось озабоченным, словно ситуация не нравилась ей все сильнее. Наконец, рыжая отпустила сестру и мрачно сказала:

– Если Дворкин не появится в ближайшие часы, я сама извлеку Камень и имплантирую сестренке глаз ее же теневого двойника. Но придется решать, кто возьмет на себя ремонт Узора. Если вы помните, это небезопасно.

Все взгляды скрестились на Рэндоме. Обреченно махнув рукой, король буркнул:

– Делай операцию, сестра. Я сделаю остальное.

На фоне общего тягостного молчания резким диссонирующим крещендо прозвучал голос Корвина, предложившего все же дожидаться Фауста. «С его лекарским умением операция наверняка окажется успешной», – сказал серебристо-черный.

– Я пока не нужна? – слабым голосом осведомилась Корал. – Мне нужно с часок полежать неподвижно.

Мерлин с готовностью проводил тетюшку в коттедж. Вернулся он удивительно быстро – похоже, Корал предпочла полежать без компании – и застал Семью за очередной перебранкой. Король Хаоса услышал последнюю фразу отца:

– ... Фауст обещал помочь нам с операцией. Рэндом раздраженно ответил:

– Он много всякого обещал, но еще ничего не выполнил. И Ринальдо живой остался, и каменный глаз у Корал не вырезан. Кстати, ты не знаешь, где он сейчас? Я имею в виду артаньянского колдуна.

Корвин пожал плечами и сунул руку в карман за Колодой, но Фиона отвлекла его язвительным замечанием:

– Очень странно, что твой дружок не примчался на сегодняшнюю тусовку. Нирванские парнишки всегда любили покутить на дармовщинку.

В субстанции, заменявшей Корвину душу, вновь пробудилась застарелая неприязнь к сестре-коротышке, любившей говорить гадости обо всех и обо всем на свете. Он уже собирался резко осадить Фиону, однако тут в разговор вмешался Мерлин:

– Они сейчас заняты. Воюют.

– На них напали силы Хаоса? – встрепнулся Бенедикт.

– Наоборот. Армия Нирваны отбила несколько Отражений, которые были захвачены Хаосом в незапамятные времена. Мать упоминала какую-то Войну Трех Сил.

Он добавил, что Фауст создал порошок, который действует на той окраине Теней. Новость произвела сильное впечатление. Рэндом немедленно поинтересовался:

– Вы пользуетесь слухами, или имеются точные агентурные сведения?

– Ни то, ни другое, – беззаботно сказал Мерлин. – У моей мамы есть кристалл, сквозь который можно заглядывать в разные Отражения. Правда, нирванская зона слишком далеко, но иногда удастся кое-что разглядеть.

Известие было принято не менее болезненно, чем сообщение о взрывчатке Фауста. Аристократия Хаоса в совершенстве владела магией, и это обстоятельство всегда вызывало в амберитах обострение комплекса неполноценности. Особенно переживала Фи, считавшая себя очень крутой колдуньей.

Неожиданно Бенедикт, мрачно глядя поверх голов, спросил Мерлина, скоро ли двинется карательная экспедиция против Нирваны и Артаньяна. Король-полукровка честно признался, что пытался предотвратить такой поход, но Дара все равно вербует наемников, возглавить которых поручено принцу Деспилю. Мерлин полагал, что экспедиция двинется в путь в ближайшие дни по времени Амбера. Кивнув, Бенедикт сказал:

– Недавно Фауст напомнил, как наш отец не поддержал их королевство. То нарушение союзнических обязательств дорого обошлось Амберу. Думаю, мы допустим большую ошибку, если не поддержим Нирвану в новой схватке с Хаосом.

– Полегче, – возмутился Мерлин, – Хаос не воюет с Нирваной. Это частная инициатива. Рэндом немедленно уточнил:

– Вопрос о помощи будет обсуждаться, если они обратятся за помощью.

– Вовсе не обязательно, – возразил Бенедикт. – Сейчас у нас появились новые войска и новые аванпосты. Опираясь на укрепления Авалона, Корвин с Блейзом надежно прикрывают Амбер, а тем временем я мог бы прогуляться к Нирване, имея за спиной хоть сотню тысяч гвардейцев

Предложение не слишком понравилось большинству родственников, включая обоих королей. Реально за помощь Фаусту и Мефу высказались только Корвин, Гиневра, Лью и Жерар, причем последнего привлекала только возможность освоить новый маршрут, добравшись до Нирваны морским путем. Выслушав мнения всей компании, Рэндом уклончиво провозгласил: дескать, подумаем и примем решение, исходя из сложившейся обстановки.

Льювилла собралась возразить, но поняла бессмысленность протестов и предпочла промолчать с обиженным видом. Победоносно взглянув на сестру снизу вверх, Фиона сказала:

– Мы возвращаемся к старому глупому вопросу. На что вообще способна эта семейка? Чего можно ждать от них? Льювилла, к сожалению, знает только одного из них и только с одной стороны.

– Я уверен, скоро мы узнаем о них больше, – холодно ответил Корвин. – Думаю, особенно беспокоиться не стоит. Они слишком ненавидят Хаос, а потому обречены быть нашими сателлитами.

– Если справятся с нашествием Хаоса... – Бенедикт выглядел всерьез озабоченным, – Признаюсь, мне очень хочется – пусть Мерлин поймет меня правильно – воспользоваться удобным случаем и надрать задницу Логрусовым ублюдкам. И если положение твоего друга Фау станет тяжелым, я брошу туда свои войска даже вопреки мнению большинства.

Джулиан согласился, что хорош любой повод, который позволит навешать оплеух экстремистам из Дворов Хаоса.

При этом он тактично уточнил, что имеет в виду именно «ястребов», которые осмелились пойти против воли законного монарха. Затем Джулиан добавил:

– Но мне, признаюсь, тоже не дает покоя хронический вопрос. Кто они вообще такие, эта семейка из Нирваны?

– До сих пор мы считали их мелкими колдунами, которых немало в дальних Отражениях, – сказал Бенедикт.

– Мать предполагает, что они владеют козырным Искусством, но их Сила происходит не из Лабиринта и не из Логруса, – сообщил Мерлин.

Рэндом удивленно посмотрел на племянника и осведомился:

– Разве есть третий источник Силы, кроме символов Порядка и Хаоса, Змея и Единорога?

– Такое трудно представить, но в нашей Вселенной возможно всякое, – задумчиво и многозначительно изрек Блейз. – Это должна быть какая-то извращенная помесь порядка и беспорядка.

– Мне показалось, что для Сухея это не стало слишком большим сюрпризом, – сказал Мерлин.

Фиона тоже удивилась, сказав с раздражением:

– Похоже, в Хаосе знают про топографию Отражений больше нашего. Но Дворкин нам об этом не рассказывал.

– Кстати, куда он девался? – вспомнила Лью. – Может, попробуем пробиться к нему через Козыри?

– Не отвлекайтесь, – сказал Бенедикт. – Дед найдется. Сейчас для нас важнее разобраться в намерениях Корал и Фау.

Та часть Семьи, которая не слишком любила нирванцев, дружно забрюзжала в том смысле, что намерения у этих дикарей могут быть лишь самыми примитивными. Не слушая недоброжелателей, Рэндом задумчиво спросил:

– Он на самом деле хороший врач? Я припоминаю, что в некоторых Отражениях бытует варварский обычай – аборигены называют «доктором» кого попало...

– Пожалуй, он все-таки имеет отношение к медицине, – почти уверенно ответил Корвин. – У меня в памяти отложились странные картины: я лежу на койке, вокруг стоят какие-то реторты. В те времена лаборатории ученых выглядели именно так... Так вот, надо мной склонялся именно Фау, а через его плечо выглядывал Меф с озабоченной рожей. Недавно Фау сам напомнил ту историю, когда Эрик забросил меня в Лондон, охваченный эпидемией «черной смерти».

– Припоминаю, – сказала вдруг Флора. – Тогда в Лондоне он и мне помог.

– Что значит «помог»? – насторожился Рэндом.

– У меня были проблемы со здоровьем, – уклончиво сказала она.

– Черт побери, какие у тебя могли быть проблемы со здоровьем? – развеселился Жерар. – Аборт, что ли, пришлось делать?

Льювилла пропела ядовитым голосом:

– Сестренку замучили угрызения совести – ведь она переживала, что вынуждена следить за беспомощным братом...

Флора возмущенно огрызнулась, что Корвин тут ни при чем, поскольку тогда никто, кроме Эрика, не знал, где находится серебристо-черный брательник. Фиона тоже поспешила замять эту тему, сказав очередную колкость по поводу братьев-варваров, которые даже цветами одежды пытаются подражать настоящим Повелителям Теней. К общему удивлению, ее осадил Бенедикт, резко сказавший:

– Вам не кажется, что в последнее время мы слишком часто разговариваем об этой семейке?

Корвин все-таки достал Колоду. Первая попытка связаться через Козырь не принесла успеха. Жерар предложил объединить усилия Семьи, как они сделали, когда искали Бранда, заточенного где-то во владениях Хаоса. Все собрались за спиной Корвина, державшего в вытянутой руке Карту Фауста.

Стоявший в сторонке Мерлин, посмеиваясь, наблюдал их тщетные потуги пробиться сквозь бездну Теней. Ясно было, что Фауст не собирался открывать видеоканал. Однако связь неожиданно наладилась, хотя видимость и слышимость были ужасными. Голос нирванца хрипел и срывался, изображение искажалось и дергалось – обычное дело для разговоров между разными потоками времени. Удалось разобрать лишь обрывки фраз, в которых Фауст обещал появиться, как только покончит с семейными делами. После этого Козырь снова сделался теплым.

– Давайте, я попробую заглянуть в те края, – предложил вдруг Колесный Призрак.

На лице Рэндома мелькнула недовольная мина: король по-прежнему с большой опаской относился к межтеневому процессору. Впрочем, вслух он ничего не сказал, и Призрак развернулся перед амберитами в громадную, как простыня, Карту. Псевдо-Козырь набрал глубину, превратившись в экран, передающий изображение из дальних Теней.

Проклятая асинхронность потоков времени делала невразумительной прямую трансляцию. Они увидели два стареньких колесных пароходика, которые медленно лавировали между рифами, приближаясь к большому острову с покатою горой посередине. Низкую часть острова перечеркивала аспидная лента Черной Дороги. На закругленном черепе горы возвышался замок непривычной архитектуры – три вложенных один в другой пятиугольника крепостных

стен, бастионы, башни. Сложенная из огромных камней крепость казалась заброшенной, но серьезных повреждений заметно не было.

Колесный Призрак сфокусирован поле обзора на переднем пароходке и попытался скомпенсировать сдвиг темпа времени. Амбериты увидели, как по мостику фланирует одетый в камуфляж парень, напоминавший помолодевшего Фауста.

Второй персонаж, закутавшись в плащ и закрыв лицо капюшоном, стоял чуть в стороне, облокотившись на леера. Внезапно тот, что был похож на Фауста, забеспокоился и громко сказал:

– Папа, за нами подглядывают.

Фигура в плаще сделала резкое движение, взмахнув мечом. Клинок перечертил крест-накрест Карту, созданную Призраком, по изображению пробежали огненные полосы, видеокартинка рассыпалась на кусочки, а сам Колесный Призрак застонал.

– Больно-то как, – плаксиво пожаловался он, – Папа, дедушка, он вышвырнул меня через все Отражения!

Потрясенная столь неожиданным осознанием собственной ущербности по части колдовства Фиона побледнела и прошептала еле слышно:

– Каков маг!.. Я и не думала, что на такое способен кто-нибудь кроме Дворкина.

– Так не сумел бы даже Сухей, – согласился Мерлин. – Кто это был?

Все были уверены, что никогда не встречали эту нирванскую парочку, и только Гинебра небрежно просветила Семью:

– Я знакома с младшим из них. Очень милый юноша – Вервольф, брат герцога Мефисто.

– Естественно, мы его не узнали, – нервно рассмеялся Бенедикт. – Когда они жили в Амбере, Верви был грудным младенцем.

Рэндом задумчиво произнес:

– Следовательно, второй – их отец, король Нирваны. Тот, что исчезал, но недавно вернулся, если верить рассказам братьев-герцогов. Кто-нибудь помнит, как звать этого чародея?

Ответом было молчание. Корвин напряженно перетряхивал память и пришел к выводу, что Фау ни разу не называл отца по имени. Он всегда говорил просто «отец» или «наш отец». В крайнем случае – «мой бедный папа». Льювилла неуверенно сказала:

– Кажется, он не король, а царь. Да-да, Фау как-то обмолвился, что он – второй после Мефа наследник престола Царства Нирванского.

– Я тоже припоминаю, – согласился Корвин. – Монарх Нирваны называется «царь», а не «король».

Мерлина эти подробности не волновали, и он спросил у Призрака, почему тот не воспользовался энергией Камня Правосудия, чтобы отразить магический удар нирванца. Кольцеобразный сынуля нехотя пробурчал:

– На таких расстояниях Мощь быстро иссякает. К тому же в замке на острове был свой Источник, и тот колдун очень умело выкачал его энергию.

– Источник Мощи, да еще на таком расстоянии от Главного Узора? – поразила Фиона. – Племянничек, ты что-то путаешь. К тому же Лабиринт, пусть даже дефектный, не посмел бы сопротивляться Камню Правосудия... Значит, это был Логрус!

– Нет, тетушка, не Лабиринт, но и не Логрус, – убежденно сказал Колесный Призрак. – Что-то совсем другое. Но я не понял, что именно.

IV

Построившись в каре, пехотинцы Смилодона жизнерадостно рубили толпу варваров, вздумавших атаковать колонну на переходе между Отражениями. Выдвинутые в передовой дозор стрелки Далта замешкались и слишком поздно открыли огонь, когда из засады на них бросились уже воюющие орды. Убедившись, что внезапное нападение успешно отражается, Вервольф начал разворачивать войска для контрудара.

Пока гоплиты отбивались от оборзевших аборигенов, пулеметчики Крольда заняли господствующую высоту и принялись поливать свинцом дорогу, по которой спешил на подмогу соплеменникам многочисленный отряд конных варваров. Оставив на грунтовке полсотни трупов, нарядившиеся в меховые костюмы дикари рассыпались по равнине, попрытавшись среди высокой травы. Вервольф приказал поджечь степь, чтобы окончательно отсечь противника от резервов, а затем бросил в бой тяжелую кавалерию.

Лавина рыцарей смяла дрогнувшую орду, насаживая на копья дикарей, зажатых между стальными стенами пехоты и конницы. Затем, когда стало тесно, рыцари Ренка, бросив копья, взялись за мечи и пошли шинковать метавшихся в панике обитателей этой Тени Вскоре все было кончено. Немногие уцелевшие были взяты в плен и давали показания на ужасном диалекте, в котором противоестественным образом смешались фонетика и лексика тари, хао и валаши.

– По-моему, они говорят, что не пропускают никого через свои владения, – неуверенно перевела Джулия.

– Советовал же отец не соваться в Айрат, – самокритично вздохнул Вервольф. – Нет, решил пойти коротким путем...

Он задал несколько вопросов плененному командиру нападавших и пришел к выводу, что жители Айрата, хорошо запомнившие давнее вторжение Суэйвилла, не слишком тепло относились к любым пришельцам. Кое-как растолковав дикарям принципиальную разницу между кровожадными убийцами из Хаоса и законными властителями Нирваны, Вервольф приказал отпустить всех, кто оказался в плену. Провожая взглядом улепетывающих варваров, он подумал, что пройдет много времени, прежде чем Айрат подрастет до уровня минимальной цивилизованности.

Подъехали командиры частей, доложившие о потерях, которые оказались невелики. С помощью разведки нирванцы обнаружили разрушенный до фундамента замок. От местной копии Спиральной Пирамиды не осталось и следа. Переговорив по Козырю с отцом, Вервольф доложил обстановку и получил совет, не задерживаясь, двигаться к главной цели.

– Только не лезь на рожон, – предостерег его царь, – Эльсинор слишком опасен. Отправь туда дурака Далта. Чем скорее он найдет смерть, тем лучше.

– Именно так я и собирался поступить, – сообщил герцог.

– Не сомневаюсь. – Отец подмигнул, но сразу сделал серьезное лицо и добавил: – Твои братья рвутся на помощь, но я их пока сдерживаю.

– Они мне не мешают...

– Каждому свое. Ты возьмишь Замок Метафор, а они пойдут дальше.

– Прямо сегодня?

– Немедленно! – строго сказал глава семьи. – Мы не можем терять темп. Просто не имеем права. Успеха тебе.

Убрав Колоду, Вервольф коснулся Амулета, рассыпав по вечернему небу сполохи полярного сияния. Поняв сигнал командующего, войска подтянулись к герцогу. Подозвав старших офицеров, он коротко объяснил задачу: достигнув нужного Отражения, латники занимают кру-

говую оборону на удобной позиции, а стрелки прорываются в крепость, уничтожая огнем всех, кто попытается им помешать.

– Когда выйдешь к стенам замка, к тебе козырнется подкрепление, – закончил Вервольф. – Понятно?

– Варвары мне четверть людей положили, – хмуро ответил Далт.

– Сам виноват, что сплеховал. – Герцог равнодушно пожал плечами, – У нас тут война, не сафари. Нельзя расслабляться. А люди они и есть люди. Навербуешь новых.

Далту очень не хотелось наступать в первых рядах. Он долго мялся, искал отговорки, но презрительные взгляды и реплики нирванцев быстро отбили охоту дискутировать. Сын Оберона мрачно спросил:

– Какой противник нас ждет – танки, кавалерия, дикари?

– Главным образом разные чудовища, – пренебрежительным тоном просветил его Вервольф. – Ваша первая задача – выстрелами издали убивать василисков. Знаешь таких?

– Змеиное тело, голова быка, раздвоенный рог во лбу, птичьи лапки, перья, крылышки.

– Они самые. Человека убивают взглядом с пятидесяти шагов. Кроме того, Эльсинор населен полудикими зомби. И тех и других следует расстреливать серебряными пулями. Имей в виду: в этом Отражении действуют все три пороха.

– Хотя что-то, – вздохнул командир наемников.

Вервольф поменял структуру Отражения, потом еще раз и еще. Вечер сменился утром, а перелесок – саванной, и герцог предупредил, чтобы все были наготове – после очередного сдвига реальности каждый, кто хочет выжить, должен будет убивать все, что движется.

– Разумеется, кроме соседей по строю, – весело уточнил Оборотень, Сын Вампира, Брат Дьявола.

Колонна поневоле убавила шаг, теперь пехота и конница двигались со скоростью вышедшего на прогулку старика.

Вервольф очень осторожно пошевелил Тени и вывел свое войско в Эльсинор. Собственно говоря, Эльсинором назывался лишь центр этого мира – Замок Метафор, но так уж повелось, что Отражения получали имя главного города или другого артефакта, вокруг коего вращается вся жизнь в окрестных слоях реальности.

Холмистое поле не таило угрозы, и бывалые воины даже заулыбались, наблюдая, как нервничает младший Сын Вампира. Наверное, решили, что парень не слишком отважен и ударился в панику, хотя прежде за ним малодушия не замечалось. Те, кто был поумнее и лучше знал Вервольфа, напротив, удвоили бдительность, до боли в глазах всматриваясь в слабое колыхание высоких трав.

– Глядеть по сторонам! Убивать все незнакомое! – Больно хлестнули по барабанным перепонкам отрывистые приказы герцога, – Занимаем оборону на холме, что справа от меня!

Он обратился к Амулету, выбросив вперед снопы магических нитей, которые образовали дорожку до самого холма. Следующая серия заклинаний испепелила флору и фауну вдоль этого коридора, прожарив грунт на два локтя в глубину.

– Быстрее! – крикнул герцог, похлопывая по шее своего иноходца. – Не задерживаться!

Вервольф остался на месте с ротой Крольда, погнав вперед остальных. Рыцари и отряд Далта быстро прискакали на выжженную возвышенность, следом за кавалеристами бегом подтягивались пехотинцы. Когда бойцы Смилодона преодолели большую часть пути, за спиной у них затрещали автоматы. Развернувшись дугой, арьергард медленно отходил к высоте, расстреливая жутких тварей, которые то и дело поднимались из травы, чтобы получить свою пулю

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.